T 118/222

355:9
C 89

Т 118/222 III-5
355:92
С 89

Александръ Васильевичъ

СУВОРОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЛА.

Біографическій очеркъ.

Составилъ Н. Т.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.
МОСКВА. — 1900.

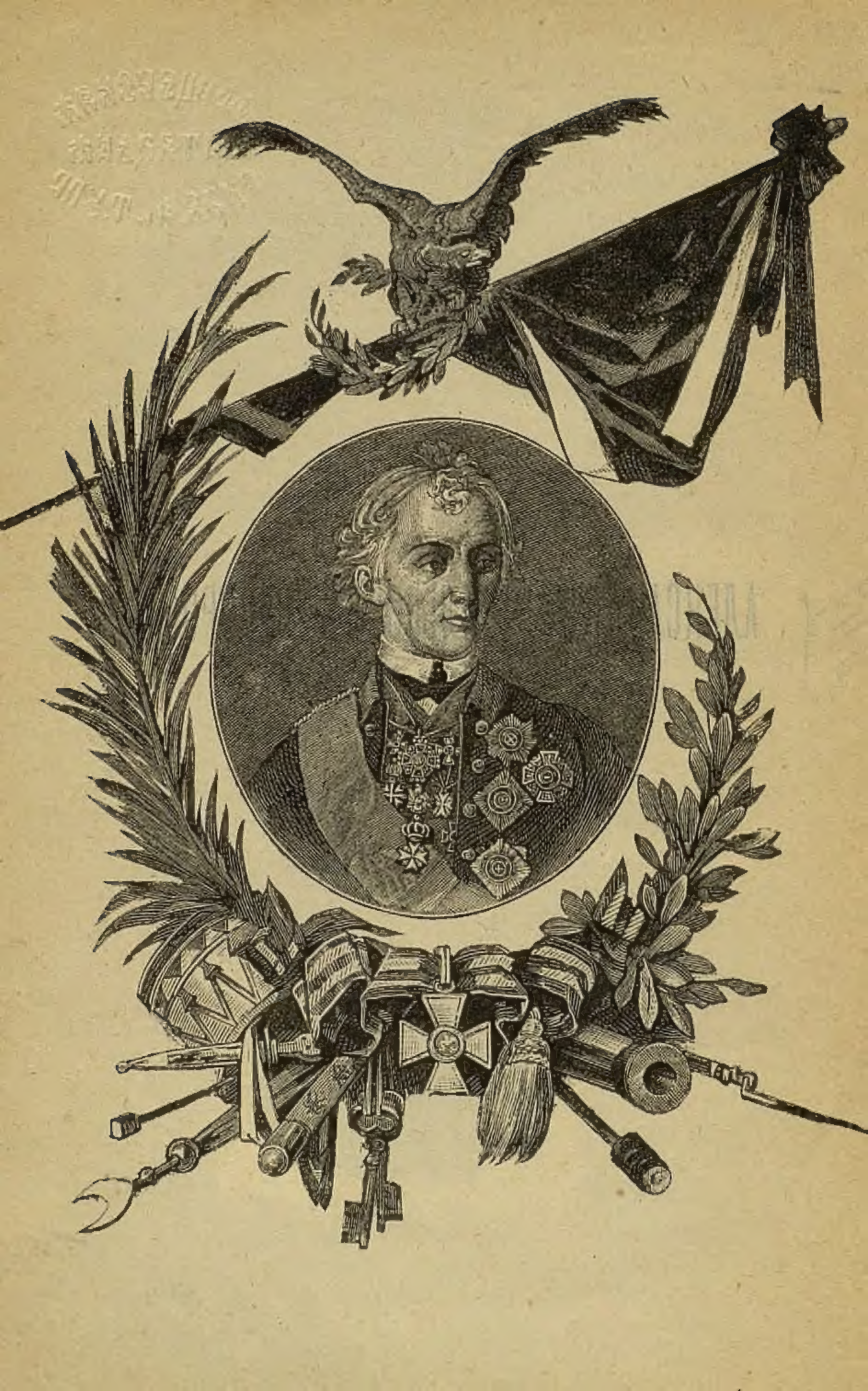
Дозволено цензурою. Москва, 4 марта 1900 года

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
13464-44

III-5
949.

9112

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.



Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ царствованіе императрицы Екатерины II, Россіи пришлось вести нѣсколько продолжительныхъ войнъ со своими сосѣдями — турками и поляками. Войны эти занесли не мало славныхъ именъ на страницы исторіи; первое мѣсто среди этихъ именъ принадлежитъ знаменитому полководцу русскому — Александру Васильевичу Суворову. Имя Суворова, этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка и славныя дѣла, совершенныя имъ, будутъ долго жить въ памяти народной. „Справедливо и смѣло, — говоритъ историкъ Суворова, — предъ лицомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ можемъ назвать Суворова однимъ изъ величайшихъ полководцевъ. Побѣда ни *однажды* не измѣнила ему, и *тридцать лѣтъ* безпрерывныхъ торжествъ на поляхъ битвъ лучше всего свидѣтельствуютъ о военномъ геніи Суворова“. Сто лѣтъ прошло со смерти Суворова и невольно хочется еще разъ вспомнить про жизнь и дѣла этого замѣчательнаго человѣка.

ДѢТСТВО.

Суворовъ происходилъ изъ незнатнаго, но стараго и почтеннаго дворянскаго рода, ведущаго свое начало отъ шведскаго дворянина Сувора, переселившагося изъ Швеціи въ Россію въ началѣ семнадцатаго столѣтія, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Дѣти и потомки Сувора вѣрно служили Россіи и пользовались особенной милостью правителей русскихъ, а отецъ будущаго полководца, Василій Ивановичъ Суворовъ, былъ крестникомъ и любимцемъ Петра Великаго. По своему времени онъ былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ, въ совершенствѣ зналъ инженерное искусство и нерѣдко, по порученію своего высокаго воспріемника, занимался переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій по военнымъ наукамъ. Дослужившись до чина генералъ-аншефа, Василій Ивановичъ, по смерти Петра Великаго и Екатерины I, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы поселиться на покоѣ. Въ это-то время, 13 ноября 1729 года, и родился у него въ Москвѣ сынъ Александръ. Замѣчательно, что будущій полководецъ родился въ одинъ годъ съ императрицей Ека-

Михаилъ Ѳеодоровичъ.

териной II, царствованіе которой онъ потомъ прославилъ своими изумительными подвигами.

Первые годы дѣтства Суворова протекли среди тихой сельской обстановки новгородскаго имѣнія Суворовыхъ, куда Василій Ивановичъ переселился по выходѣ въ отставку. Слабый и хилый отъ природы мальчикъ сильно безпокоилъ заботливаго отца, боявшагося потерять своего единственнаго сына и наслѣдника. Въ то время дворяне имѣли обыкновеніе записывать своихъ сыновей еще съ пеленокъ въ тотъ или другой полкъ съ тѣмъ, чтобы служба ихъ считалась со дня ихъ рожденія. Такой обычай установился со времени Петра Великаго, который требовалъ, чтобы каждый дворянинъ поступалъ непремѣнно въ военную службу и проходилъ ее съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Люди знатные и богатые, записывая своихъ сыновей въ полкъ съ дѣтства, достигали того, что дѣти ихъ, не служа, часто еще въ колыбели, получали уже офицерскіе чины и легко потомъ достигали высшихъ званій. Не такъ было съ Суворовымъ. Отецъ, боясь за слабое здоровье сына, не записалъ его въ полкъ, а сталъ готовить къ службѣ гражданской.

Петръ Великій.

Въ мезонинѣ деревенскаго дома Василія Ивановича было четыре комнаты; двѣ изъ нихъ занималъ

Александръ со своимъ дядькой, а въ двухъ другихъ жилъ учитель. Занятія съ маленькимъ Суворовымъ шли успѣшно, и мальчикъ скоро пріобрѣлъ разнообразныя и обширныя познанія, чему много способствовали его природныя дарованія: умъ, память и страсть къ чтенію. Въ одиннадцать лѣтъ онъ зналъ гораздо больше многихъ взрослыхъ людей того времени, считавшихъ научныя занятія несоотвѣтствующими дворянскому званію. Съ особою охотою изучалъ молодой Суворовъ иностранные языки, которые давались ему очень легко; онъ въ совершенствѣ изучилъ французскій, нѣмецкій, польскій и итальянскій языки, и это дало ему возможность читать въ подлинникѣ творенія иностранныхъ авторовъ. Русской литературы тогда еще не существовало, и знанія пріобрѣтать можно было только изъ иностранныхъ книгъ. Къ чтенію пристрастился Суворовъ съ раннихъ лѣтъ; эта благородная страсть не покидала его потомъ во всю жизнь; даже въ походахъ и въ дни битвъ онъ находилъ время для того, чтобы читать. Жизнеописанія великихъ людей древности, исторіи войнъ и описанія битвъ были любимымъ чтеніемъ мальчика. А читалъ онъ не просто, не ради празднаго любопытства. Разложивъ географическія карты, вооружившись карандашомъ и бумагой, онъ самъ составлялъ планы сраженій, слѣдилъ за движеніемъ войскъ, дѣлалъ отмѣтки на картахъ и такъ углублялся въ эти занятія, что часто не замѣчалъ, какъ входилъ къ нему дядька, чтобы позвать его обѣдать или къ гостямъ.

Съ дѣтства же развилась въ Суворовѣ любовь къ простой суровой жизни, которую велъ онъ до самой смерти. Еще ребенкомъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ оставался подъ дождемъ или на морозѣ и на

всѣ увѣщанія близкихъ людей, обыкновенно, отвѣчалъ, что солдату не полагается нѣжиться и привыкать къ роскоши. Въ его дѣтской комнаткѣ не было ничего лишняго: деревянная кровать съ жесткимъ тюфякомъ, кожаная подушка, большой простой столъ и нѣсколько дубовыхъ стульевъ — вотъ обстановка его комнаты въ родительскомъ домѣ. Но зато другое поражало въ комнатѣ Суворова-мальчика: это — обиліе книгъ, глобусовъ, плановъ сраженій и географическихъ картъ, во множествѣ развѣшанныхъ по стѣнамъ, лежащихъ на полу и на столѣ. При такихъ условіяхъ росъ и развивался будущій чудо-богатырь русскій.

ОТРОЧЕСТВО.

Время, между тѣмъ, шло. Отецъ Суворова попрежнему разсчитывалъ опредѣлить сына на гражданскую службу, несмотря на то, что мальчикъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ все большее и большее влеченіе къ военному дѣлу. Будущему герою шелъ уже двѣнадцатый годъ, когда судьба его совершенно неожиданно рѣшилась, наконецъ, сообразно его влеченію и наклонностямъ.

Въ домѣ Суворовыхъ часто бывалъ генералъ Ганнибалъ, другъ и товарищъ по службѣ Василія Ивановича. Ганнибалъ былъ арабъ; въ дѣтствѣ онъ бѣднымъ арабченкомъ былъ купленъ Петромъ Великимъ, который привязался къ маленькому невольнику, далъ ему блестящее по тому времени образованіе и много способствовалъ выработкѣ изъ него полезнаго государственнаго дѣятеля. Ганнибалъ или, какъ его называлъ Пушкинъ, „арапъ Петра Великаго“, былъ,

какъ извѣстно, прадѣдомъ великаго поэта. Бывая въ домѣ Суворовыхъ, Ганнибалъ нерѣдко обращалъ вниманіе на то, что сынъ его друга почти никогда не выходилъ къ гостямъ, дичился посторонихъ людей и вообще представлялся какимъ-то страннымъ,

Ганнибалъ.

загадочнымъ мальчикомъ. Однажды,—дѣло было лѣтомъ,—въ домѣ Суворовыхъ собралось много гостей; въ числѣ ихъ, по обыкновенію, былъ и Ганнибалъ. Онъ первый замѣтилъ отсутствіе въ гостиной Саши и, улучивъ удобную минуту, озабоченно спросилъ Василія Ивановича.

— А гдѣ же Саша? Что, онъ попрежнему дичится людей и все сидитъ у себя въ комнатѣ?

Отецъ безнадежно махнулъ рукой и, отведя своего друга въ сторону, сказалъ печальнымъ голосомъ.

— Крушитъ меня мой Саша. Повѣришь ли, какія тяжелыя минуты приходится переживать, когда раздумаешься, что за человѣкъ выйдетъ изъ него? Вѣдь онъ совершенно не похожъ на другихъ дѣтей! Онъ или по цѣлымъ днямъ сидитъ за книгами и планами, или выкинетъ такую штуку, что никому и въ голову не придетъ. Вотъ, на прошлой недѣлѣ, напримѣръ, онъ подъ проливнымъ дождемъ цѣлый день бѣгалъ по полямъ и лѣсамъ. Пришелъ домой—на немъ вѣдь нитки сухой не было. Или вотъ еще прошлой осенью: наступили ужъ заморозки, а онъ вдругъ вздумалъ купаться. Ну, долго ли до грѣха? здоровье у него слабое,—простудится, ну, и поминай, какъ звали.

— Что же тутъ печалиться-то—изъ него можетъ выйти отличный солдатъ?

— Не хотѣлось бы мнѣ пускать его по этой дорогѣ. Ты вѣдь знаешь, какова солдатская служба. Развѣ Саша вынесетъ ее при своемъ здоровьѣ? Да и въ полкъ онъ не записанъ. Не начинать же ему службу съ рядового, когда его сверстники давно уже въ офицерскихъ чинахъ состоятъ.

— Ну, это еще не большая бѣда. Вспомни, какъ служилъ Россіи Великій Петръ, какъ не пренебрегалъ онъ никакой работой, лишь бы только она была полезна. Почему же Сашѣ не послужить и солдатомъ? Если у него такое непреодолимое влеченіе къ военной службѣ, то онъ скоро опередитъ всѣхъ своихъ товарищей...

— Все это вѣрно, только все-таки здоровье его ненадежно, и я ни за что не отпущу его въ военную службу, хотя онъ и бредитъ сю день и ночь.

Въ это время къ разговаривающимъ подошли другіе гости. Василій Ивановичъ перемѣнилъ разговоръ, а его черный другъ незамѣтно вышелъ изъ гостиной. Онъ осторожно пробрался наверхъ и заглянулъ въ комнату Саши.

Мальчикъ, лежа на полу, углубился въ книгу. Передъ нимъ были разложены карты, на которыхъ особыми значками были отмѣчены мѣста, гдѣ находились войска. Будущій полководецъ такъ былъ погруженъ въ свои занятія, что и не замѣтилъ, какъ посторонній человѣкъ вошелъ къ нему въ комнату и остановился сзади него. Долго Ганнибалъ любовался, смотря, какъ юноша въ непринужденной позѣ — весь, безраздѣльно, отдался своему любимому занятію.

— Здорово, Саша! — Наконецъ, не выдержалъ и произнесъ нежданный гость.

Саша не ожидалъ такого посѣщенія. Онъ поспѣшно вскочилъ на ноги и въ смущеніи смотрѣлъ на говорившаго.

— Что это, братъ, какъ ты зачитался? Не хочешь и здороваться!

Саша стыдливо опустилъ глаза, подошелъ къ гостю и, по тогдашнему обычаю, поцѣловалъ у него руку.

— Ну, здравствуй! Какъ здоровье?

— Благодарю васъ. Я здоровъ, слава Богу!

— Чѣмъ это ты здѣсь такъ занятъ, что не хочешь сойти даже къ гостямъ? Совсѣмъ, братъ, ты затворникомъ живешь, — весело шутилъ Ганнибалъ. — Ну, что съ тобой дѣлать: самъ не хотѣлъ сойти къ намъ внизъ, такъ я пришелъ къ тебѣ. Захотѣ-

лось посмотрѣть, какія сокровища такъ привлекаютъ тебя. Покажи-ка, покажи надъ чѣмъ засиживаешься ты дни и ночи!

Саша оживился, смущеніе его прошло, и онъ съ охотой сталъ показывать своему гостю книги, карты, планы, дѣлая очень мѣткія и вѣрныя замѣчанія относительно каждой вещи.

— Да неужели ты все это перечиталъ? — съ удивленіемъ спросилъ Ганнибалъ.

— Я не знаю, чему вы такъ удивляетесь, — отвѣчалъ Саша, — книги такъ интересны, такъ увлекательны, что нѣкоторыя изъ нихъ я прочиталъ даже по нѣсколько разъ. Вотъ, напримѣръ, „Жизнь великихъ людей“ Плутарха; ее можно читать нѣсколько разъ и она никогда не надоѣстъ.

Ганнибалъ взялъ изъ рукъ Саши книгу и сталъ предлагать ему вопросы. Мальчикъ отвѣчалъ бойко, со смысломъ; видно было, что онъ хорошо усвоилъ все, что читалъ.

— Прекрасно, прекрасно! — восхищался Ганнибалъ. — Ты знаешь больше, чѣмъ многіе изъ взрослыхъ. Ну, а эти планы, неужели ты самъ чертилъ ихъ?

— Да вѣдь это такъ легко, такъ интересно! — волнуясь, говорилъ Саша.

Ганнибалъ былъ въ восторгѣ. Онъ обнялъ мальчика и со слезами на глазахъ сказалъ.

— Если бы великій государь нашъ, Петръ Алексѣевичъ, былъ живъ и видѣлъ твои работы, — возрадовалось бы его сердце, и онъ такъ же, какъ и я вотъ теперь, цѣловалъ бы тебя... Я не знаю, откуда отецъ твой взялъ, что ты такъ плохъ здоровьемъ. Правда, ты не толстъ, но крѣпокъ, и изъ тебя выйдетъ прекрасный воякa! Продолжай, братъ, продолжай свои занятія... Ты далеко пойдешь!

— Вы вотъ думаете такъ, а папенька совсѣмъ иначе: онъ не любитъ моихъ занятій и ни за что не согласится, чтобы я сдѣлался военнымъ. Знаете, что?— говорилъ сквозь слезы мальчикъ,— попросите за меня папеньку... васъ онъ послушаетъ и дастъ свое согласіе. Я всю жизнь буду благодаренъ вамъ, если вы его уговорите.

Ганнибалъ былъ растроганъ. Онъ сошелъ внизъ. Гости въ это время уже разъѣзжались. Улучивъ удобную минуту, онъ увелъ Василія Ивановича въ кабинетъ.

— Ну, другъ мой,— началъ онъ,— я былъ у твоего Саши и, знаешь, я пораженъ. Это — необыкновенный мальчикъ, изъ него выйдетъ великій человѣкъ. Грѣшно удерживать его и не пускать по тому пути, къ которому онъ такъ стремится.

— Да, но вѣдь онъ не выдержитъ военной службы: онъ такой слабенькій. Ну, какой солдатъ выйдетъ изъ него? Отпустить его въ военную службу — это значитъ загубить его.

— Ну, ужъ и загубить! Онъ совсѣмъ не такъ слабъ, какъ ты воображаешь. Правда, на видъ онъ такой сухой, но это скорѣе признакъ здоровья и выносливости. Знаешь что, Василій Ивановичъ, я не шутя прошу тебя за Сашу: не удерживай его! Позволь ему итти путемъ, начертаннымъ Самимъ Богомъ. Кто знаетъ, судьба, можетъ-быть, назначила его упрочить силу и мощь Россіи новыми побѣдами. Можетъ-быть, онъ явится продолжателемъ того великаго дѣла, которое началъ твой крестный отецъ, безсмертный Петръ, положившій всю жизнь, чтобы возвысить Россію и вести ее по пути счастія и славы!..

Слова Ганнибала глубоко западали въ душу Василія Ивановича. Онъ молча, задумавшись, ходилъ по

комнатѣ. Онъ почти соглашался съ доводами своего друга, но въ то же время его продолжала еще безпокоить мысль, что сынъ не выдержитъ тяжелой военной службы и преждевременно сойдетъ въ могилу. Досадно ему было также, что онъ не записалъ Сашу въ полкъ при рожденіи, благодаря чему такъ много лѣтъ прошло для него безплодно.

— Что же, Василій Ивановичъ, — прервалъ, наконецъ, молчаніе Ганнибалъ, — рѣшайся; повѣрь мнѣ, что будетъ гораздо хуже, если ты заставишь Сашу поступить противъ его желанія. Это его сильно огорчитъ и разстроитъ здоровье почище всякой солдатской службы. Давай-ка, братъ, позовемъ сейчасъ молодца; ты благословишь его, и — дѣлу конецъ.

— Ты правъ, Абрамъ Петровичъ, — согласился Суворовъ-отецъ. — Саша, дѣйствительно, не выдержитъ отказа. Будь по-твоему! Пусть Александръ служитъ Россіи, какъ вѣрный солдатъ. Такъ, видно, судилъ Богъ.

Трудно описать неподдѣльный восторгъ и искреннюю радость Саши, которые онъ испытывалъ, когда его позвали въ кабинетъ, и отецъ торжественно благословилъ его поступить на военную службу. Со слезами радости бросился онъ къ ногамъ отца, затѣмъ началъ обнимать и цѣловать Ганнибала.

Такъ рѣшилась судьба будущаго великаго полководца.

ЮНОСТЬ.

Цѣлый годъ послѣ описаннаго нами событія Суворовъ продолжалъ еще свои научныя занятія дома, подъ руководствомъ отца, и только, когда ему исполнилось 12 лѣтъ (это случилось какъ разъ въ годъ

Елизавета Петровна.

восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны), Василій Ивановичъ записалъ его простымъ рядовымъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ.

Еще три года послѣ этого Александръ Васильевичъ прожилъ подъ родительскимъ кровомъ, но на шестнадцатомъ году онъ рѣшительно заявилъ отцу, что ему уже „пора, наконецъ, учиться военному дѣлу на практикѣ", и перешелъ на дѣйствительную службу въ полкъ.

Въ то время, какъ сверстники Суворова видѣли въ солдатскомъ ученіи и военныхъ упражненіяхъ только потѣху, занятіе отъ нечего дѣлать, герой нашъ видѣлъ въ этомъ серіозное дѣло. Онъ хотѣлъ на своей спинѣ вынести всю тяжесть тогдашняго солдатскаго житья, хотѣлъ какъ можно ближе узнать русскаго солдата, изучить его характеръ, нужды, научиться говорить его языкомъ, научиться понимать его. Не даромъ впослѣдствіи отъ немногихъ словъ его вспыхивало и ярко горѣло солдатское сердце. Слишкомъ восемь лѣтъ прослужилъ Суворовъ простымъ солдатомъ, безъ всякихъ льготъ, какъ бы взятымъ изъ крѣпостныхъ. Онъ жилъ въ солдатскихъ казармахъ, былъ товарищемъ, артельщикомъ, другомъ солдатъ и никогда не тяготился никакимъ служебнымъ дѣломъ: исправно ходилъ въ караулъ, не пропускалъ ни одного строевого ученія, самъ чистилъ свое ружье и, вообще, ничѣмъ не отличался отъ простого солдата, дѣлалъ даже то, что совсѣмъ не требовалось отъ солдата-дворянина. „Научись повиноваться, прежде нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ; помни, что у худого пахаря хлѣбъ худо родится, а за уче-

наго двухъ неученыхъ даютъ", — говаривалъ часто Суворовъ.

Въ суровомъ образѣ жизни будущій герой видѣлъ еще и другую хорошую сторону: онъ видѣлъ въ этомъ самое вѣрное средство для укрѣпленія своего хилаго отъ природы здоровья, и онъ настойчиво, упорно, не торопясь, закаливалъ свой организмъ, приготовляя себя къ будущему служенію на военномъ поприщѣ. Разсказываютъ, что онъ часто самъ напрашивался на наиболѣе трудныя работы и охотно ходилъ на караулъ даже за другихъ, при этомъ его не пугала никакая погода. Наоборотъ, чѣмъ хуже была погода, чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ съ большей охотой онъ стоялъ на часахъ. Въ теченіе всей своей жизни, даже тогда, когда онъ достигнулъ самыхъ высшихъ ступеней на служебномъ поприщѣ, Суворовъ часто горделиво вспоминалъ, что *первую награду* получилъ онъ за то, что былъ *лихой солдатъ*. Объ этомъ историкъ его разсказываетъ слѣдующее:

„Однажды лѣтомъ Семеновскій полкъ содержалъ караулы въ Петергофѣ. Суворовъ, паряженный въ караулъ, стоялъ у Монплезира и, несмотря на небольшой ростъ свой, такъ ловко отдалъ честь императрицѣ, гулявшей по саду, что она остановилась, посмотрѣла на него и спросила у него объ имени. Узнавъ, что онъ сынъ Василія Ивановича Суворова, императрица вынула изъ кармана серебряный рубль и подала ему.

„— Государыня! Не возьму, — сказалъ ей почтительно Суворовъ.— Законъ запрещаетъ солдату брать деньги, стоя на часахъ.

„— Молодецъ! — отвѣтила императрица, потрепавъ его по щекѣ, позволила поцѣловать руку и положила рубль на землѣ, говоря:

— Возьми, когда смѣнишься!"

Суворовъ берегъ *крестовикъ* императрицы всю жизнь и часто говаривалъ потомъ, что никогда и никакая другая награда не радовала его болѣе этой первой награды.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ.

Почти девять лѣтъ прослужилъ Суворовъ простымъ солдатомъ, и только на 24 году жизни былъ произведенъ въ офицеры. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ его сверстниковъ, по просьбамъ и хлопотамъ знатныхъ родственниковъ, въ эти годы успѣли уже достигнуть генеральскихъ чиновъ.

Получивъ офицерскій чинъ, Суворовъ не измѣнилъ своей трудовой жизни. Правда, онъ жилъ теперь въ домѣ отца, но все свое время дѣлилъ лишь между ученіемъ и службой. Онъ совершенно избѣгалъ свѣтскихъ развлеченій и удовольствій, въ обществѣ казался неловкимъ, нелюдимымъ, ничего не искалъ у знатныхъ, стараясь до всего достигать лишь своимъ упорнымъ трудомъ и терпѣніемъ. Въ это время онъ съ особымъ усердіемъ изучалъ военные уставы и законы русскіе, которые и зналъ потомъ въ совершенствѣ. Въ то же время, служа въ пѣхотномъ полку, онъ старательно изучалъ артиллерійское дѣло, чтобы пріобрѣсти опытность въ каждомъ родѣ оружія. Не забывалъ также и занятія литературой. Онъ не только съ жаромъ читалъ творенія великихъ писателей, но даже и самъ писалъ сочиненія, которыя помѣщалъ въ единственномъ въ то время журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія".

Въ 1756 году въ Европѣ началась знаменитая семилѣтняя война между Пруссіей и Австріей. Прусскій

король Фридрихъ II завладѣлъ Силезіей, принадлежавшей Австріи. Россія вступилась за Австрію, и русская армія подъ начальствомъ Апраксина выступила въ походъ. Для Суворова, наконецъ, открылось то поприще, къ которому онъ готовился такъ настойчиво въ теченіе своихъ дѣтскихъ и затѣмъ юношескихъ лѣтъ; его неудержимо тянуло на боевое поле. Но въ дѣйствующую армію онъ былъ опредѣленъ лишь въ 1759 году, и то сначала лишь въ качествѣ дежурнаго майора при графѣ Ферморѣ; настоящая же боевая школа наступила для Суворова еще черезъ два года, когда онъ былъ назначенъ въ конный летучій отрядъ графа Берга; отрядъ этотъ долженъ былъ отражать одного изъ любимыхъ полководцевъ Фридриха, генерала Платена. Здѣсь-то Суворовъ впервые выказалъ свое необыкновенное военное дарованіе. Гусары и казаки подъ его командой образились въ стаю орловъ, которые не знали, что значитъ неудача.

— Ребята, — говорилъ солдатамъ молодой офицеръ,— для русскаго солдата нѣтъ середины между побѣдой и смертью. Если сказано *впередъ!* такъ я не знаю, что такое *усталость, холодъ* и *голодъ!*..

Солдаты понимали Суворова и подъ его начальствомъ они, дѣйствительно, геройски переносили всѣ невзгоды военной жизни, и со славою довели до конца порученное имъ дѣло. Суворовъ былъ отличенъ, какъ „лихой кавалерійскій офицеръ, какихъ мало". Во всей арміи не было человѣка, который не зналъ бы Суворова. Среди войска только и разговора было, что про него. Между прочимъ, особенно удивлялъ всѣхъ слѣдующій случай. Въ одномъ мѣстѣ во время сраженія русскіе гусары и конные гренадеры не выдержали натиска пруссаковъ и обратились въ бѣгство.

Какъ вдругъ, откуда ни возьмись, среди нихъ явился Суворовъ.

— Стой! стой! Куда вы,— закричалъ онъ.— *Я здѣсь!*

Отступавшіе остановились.

— Стройся! — скомандовалъ Суворовъ, и все опять пришло въ порядокъ. Отрядъ во главѣ съ Суворовымъ рипулся впередъ, пруссаки не выдержали дружнаго натиска, дрогнули, и побѣда осталась за русскими.

Семилѣтняя война могла бы затянуться еще дольше, но въ 1762 г. на престолъ вступила императрица Екатерина II, не пожелавшая продолжать войны съ Фридрихомъ; русскія войска были отозваны.

СУВОРОВЪ — ПОЛКОВНИКЪ.

Суворовъ возвратился въ Россію; здѣсь получилъ онъ въ свое командованіе Суздальскій полкъ. Съ большимъ усердіемъ и удивительнымъ рвеніемъ принялся молодой полковникъ за обученіе ввѣреннаго ему полка особой военной тактикѣ, которую выработалъ онъ самъ и которая справедливо названа *Суворовской*. Суздальскій полкъ квартировалъ въ Новой Ладогѣ. Весь отдавшись любимому дѣлу, Суворовъ жилъ здѣсь очень уединенно, избѣгая праздной свѣтской жизни.

По *Суворовской* тактикѣ главными качествами солдата должны быть смѣлость, рѣшимость, настойчивость и стойкость. Эти-то качества и старался онъ выработать въ своихъ солдатахъ. Безъ боевого ученія у него не проходило ни одного дня. Едва взойдетъ солнце, онъ уже на ногахъ и велитъ бить сборъ. Ни лѣтній зной, ни суровые зимніе морозы, ни осен-

нее ненастье —ничто не считалось у него помѣхой для солдатскаго ученія. Наоборотъ, все это онъ считалъ лучшимъ средствомъ для выработки у солдатъ выносливости и стойкости. Замѣчательно, что солдаты Суворова не только не тяготились такою службою, но всегда съ любовью и охотой исполняли всѣ распоряженія своего любимца командира —такъ умѣлъ онъ пріохотить ихъ къ воинскимъ занятіямъ.

Однажды Суворову пришла мысль показать своему полку, въ чемъ состоитъ штурмъ и какъ нужно брать крѣпости. Дѣло было на маневрахъ. Невдалекѣ виднѣлись стѣны сосѣдняго монастыря. Недолго думая, Суворовъ составилъ планъ штурма, расположилъ въ боевомъ порядкѣ свой полкъ и скомандовалъ: „На штурмъ!“

Съ быстротою молніи полкъ бросился на монастырскія стѣны, солдаты взобрались на нихъ съ крикомъ: „ура!“—и монастырь былъ взятъ. Легко себѣ представить испугъ монастырской братіи. Суворовъ поспѣшилъ, однако, извиниться передъ настоятелемъ, объяснивъ, что онъ не могъ удержаться отъ удобнаго случая научить своихъ „орловъ“ штурму. Когда объ этомъ поступкѣ донесли императрицѣ, она пожелала видѣть *этого чудака*, милостиво приняла его и, отпуская, сказала: „Не троньте его, я его знаю“. Императрица хорошо видѣла, какой геній скрывается въ Суворовѣ.

Живя съ солдатами одной жизнью, Суворовъ не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ ихъ умственной темноты, поголовной безграмотности и глубокаго невѣжества. И вотъ онъ принимается за обученіе солдатъ грамотѣ, молитвамъ; онъ самъ толкуетъ смыслъ ихъ и всячески заботится, чтобы освѣтить солдатскую душу свѣтомъ вѣры. Для солдатскихъ дѣтей онъ открываетъ двѣ школы, самъ поступаетъ

въ нихъ учителемъ, составляетъ краткій катехизисъ, учебникъ ариѳметики и молитвенникъ. Благодаря его же стараніямъ и хлопотамъ, были построены для открытыхъ школъ новыя зданія, заложена полковая церковь, при казармахъ разведенъ садъ и т. п. Самъ лихой и неутомимый работникъ, онъ не давалъ находиться въ бездѣйствіи и своимъ людямъ, пуще всего боясь праздности и ея послѣдствій. „Смотрите, уже птички Божіи поднялись, а намъ грѣшно не встрѣтить солнышка въ чистомъ полѣ“, часто говаривалъ онъ солдатамъ, собирая ихъ на ученье раннимъ утромъ.

Съ этого же времени у Суворова все больше и больше начинаютъ развиваться странности въ поведеніи, еще болѣе укрѣпившія за нимъ названіе „чудака“. Странности эти проглядывали во всемъ — въ разговорѣ, въ письмахъ, въ походкѣ, въ движеніяхъ, — словомъ, во всемъ онъ былъ оригиналенъ, во всемъ не походилъ на другихъ. „Онъ ходилъ припрыгивая, — пишетъ его историкъ, — говорилъ отрывисто, вмѣшивалъ въ рѣчь свою поговорки и пословицы, всѣмъ и каждому высказывалъ правду въ глаза; притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; иногда страшно посмѣивался, слушая другихъ; молчалъ, когда всѣ ожидали его рѣчей, начиналъ говорить умно, краснорѣчиво, вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Разъ навсегда отказался онъ отъ всякой роскоши: спалъ на сѣнѣ, ходилъ зимою безъ шубы, ѣлъ простую грубую пищу, отрекся отъ свѣтскаго общества, проводя время только съ своими солдатами и офицерами. Первое требованіе его отъ подчиненнаго было — немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ. Слово *не знаю* возбу-

дало гнѣвъ Суворова, онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, бранился, топалъ ногами и т. п.“. Всѣ эти чудачества скоро обратили на Суворова всеобщее вниманіе, а нѣкоторые недоброжелатели его даже старались объяснить ихъ въ дурную сторону и говорили, что „онъ дурачится пьяный“. Но Суворова эта клевета не безпокоила: онъ хорошо зналъ ей цѣну. „Тотъ еще не уменъ, о комъ говорятъ, что онъ уменъ“, — часто говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ.

КОНФЕДЕРАТСКАЯ ВОЙНА.

Прошло пять лѣтъ послѣ семилѣтней войны. Въ 1768 году въ Польшѣ началась конфедератская война, поднятая враждебными намъ партіями, которыя были недовольны избраніемъ на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, сторонника Екатерины I. Противники Станислава составили союзъ (конфедерацію) и подняли возстаніе.

Для усмиренія мятежниковъ и прекращенія безпорядковъ нужно было пополнить русскія военныя силы, находившіяся въ то время въ Польшѣ подъ начальствомъ Веймарна. Съ этой цѣлью въ Польшу было послано еще шесть полковъ. Командованіе двумя изъ нихъ было поручено Суворову, который въ это время былъ уже бригадиромъ.

Глубокой осенью, въ полное бездорожье, выступили полки Суворова изъ Ладоги въ Смоленскъ. Пріученные къ выносливости, солдаты легко совершили переходъ въ 850 верстъ отъ Ладоги до Смоленска, гдѣ отрядъ Суворова долженъ былъ провести зиму, чтобы весной выступить къ Варшавѣ.

Въ теченіе зимы бригада Суворова не оставалась въ бездѣйствіи: каждый день происходило ученіе, тревоги, примѣрныя сраженія и т. п. Нерѣдко въ полночь, когда на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, вдругъ раздавалась тревога, въ нѣсколько минутъ солдаты выстраивались въ боевой порядокъ и слѣдовали за своимъ начальникомъ, чтобы отразить непріятеля или сдѣлать на него неожиданное нападеніе. Все это дѣлалось безъ малѣйшаго ропота или неудовольствія. Каждое слово Суворова считалось святыней. Не только солдаты, но и офицеры гордились тѣмъ, что они *Суворовскаго* полка.

Наступила весна 1769 года. Бригада Суворова выступила въ Варшаву. Походъ этотъ по неспокойному краю былъ дѣломъ рискованнымъ; но, несмотря на это, онъ былъ исполненъ блистательно. Въ 12 дней Александръ Васильевичъ съ своими „орлами“ прошелъ 600 верстъ и тотчасъ же, по прибытіи въ Варшаву, приступилъ къ дѣлу: предпринялъ два удачныхъ поиска, не далъ соединиться конфедератскимъ отрядамъ, разбилъ двухтысячную партію мятежниковъ подъ Орѣховымъ и перешелъ въ Люблинъ, чтобы управлять военными дѣйствіями въ цѣломъ районѣ. Все это было сдѣлано быстро, неожиданно, *по-Суворовски*.

Много трудностей представляли дальнѣйшія дѣйствія. Конфедераты разбились въ мелкіе отряды и дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ; всѣ они были на коняхъ, благодаря чему быстро передвигались изъ одного конца въ другой; кромѣ того, мѣстное населеніе, бывшее на сторонѣ возставшихъ, оказывало имъ и явную и тайную помощь во всемъ, въ чемъ они нуждались. Едва Суворовъ успѣетъ разбить одинъ отрядъ, какъ онъ быстро собирается вновь

Императрица Екатерина II.

уже въ другомъ мѣстѣ и дѣйствуетъ съ прежней силой.

Но чего не могли преодолѣть Суворовскіе чудо-богатыри? Казалось, не существовало такихъ препятствій, которыя сломили бы ихъ стойкость. Наиболѣе замѣчательнымъ подвигомъ ихъ въ этой войнѣ является побѣда надъ гетманомъ Огинскимъ, поднявшимъ на возстаніе почти всю Литву. Войско Огинскаго вчетверо превосходило Суворовскій отрядъ; одолѣть его могли только чудо-богатыри Александра Васильевича. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ подвигѣ.

„При первой вѣсти о возстаніи Огинскаго, Суворовъ извѣщаетъ своего начальника, генерала Веймарна, объ угрожающей опасности и о необходимости потушить мятежъ въ самомъ его началѣ. Генералъ Веймарнъ присылаетъ Суворову распоряженіе: ожидать дальнѣйшихъ приказаній и не двигаться съ мѣста.

„Суворовъ, между тѣмъ, узнаетъ, что войско Огинскаго ежедневно умножается охотниками, что регулярные польскіе полки пристаютъ къ нему, что онъ уже разсѣялъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько русскихъ отрядовъ и намѣренъ двинуться къ русской границѣ. Получивъ такія вѣсти, могъ ли Суворовъ спокойно оставаться на мѣстѣ? Перекрестившись, онъ въ тотъ же день съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ двинулся изъ Люблина въ Столовичи, гдѣ стоялъ Огинскій.

„— Спасемъ нашихъ, — говорилъ онъ, — а тамъ пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! Я—отвѣтчикъ.

„Къ генералу Веймарну онъ написалъ кратко: *Фитиль на пушкѣ, Суворовъ въ полкѣ!*

„На четвертый день Суворовъ былъ уже въ Слонимѣ, пройдя болѣе 200 верстъ. Человѣкъ полто-

раста отъ усталости осталось позади, но Суворову некогда было ихъ дожидаться.

„— Гдѣ войско Огинскаго? — спрашиваетъ онъ.

„— Въ 50 верстахъ отсюда, въ мѣстечкѣ Столовичахъ, — отвѣчаютъ ему.

„— Чудо-богатыри! — говоритъ Суворовъ своимъ солдатамъ, — даю вамъ два часа отдыха... впередъ, бить Огинскаго!

„— У Огинскаго четыре тысячи человѣкъ войска и артиллерія, — сказали Суворову.

„— Помилуй Богъ! — восклицаетъ онъ: — да вѣдь это только по пяти человѣкъ на одного нашего солдата, а они справлялись и съ десяткомъ!

„На другой день, въ 10 часовъ вечера, Суворовъ былъ уже передъ Столовичами. Стоялъ сентябрь; небо было заволочено тучами, черная ночь нависла надъ землей, лишь съ монастырской башни мерцалъ огонь, на который русскіе и шли. Поляки и не помышляли о непріятелѣ, а онъ ужъ тутъ какъ тутъ! Мигомъ сняты непріятельскіе пикеты; часовые, при входѣ въ мѣстечко, переколоты, но одинъ изъ нихъ спасся и, выбѣжавъ на улицу, закричалъ:

„— Къ ружью! непріятель!

„Въ эту самую минуту русскіе врываются въ городъ, съ примкнутыми штыками, съ громогласнымъ ура!

„Начинается ужасная рѣзня, все бѣжитъ отъ русскихъ въ поле, за мѣстечко, гдѣ большая часть отряда Огинскаго стоитъ на бивуакахъ.

„Русскіе, взятые Огинскимъ въ плѣнъ при Рѣчицѣ и запертые въ одномъ домѣ, бросаются изъ оконъ и примыкаютъ къ своимъ. Триста человѣкъ отборной гетманской стражи мужественно защищаются въ домахъ. Всѣ они переколоты, и къ утру мѣстечко очищено отъ непріятеля. Но тутъ началась новая, же-

стокая́ битва. Поляки, стоявшіе за городомъ, сами напали на русскихъ.

„— Чудо-богатыри! — сказалъ Суворовъ, — отступать некуда, или намъ лечь здѣсь или имъ! на штыки, ура!

„Поляки, особенно литовцы, сражаются отчаянно въ открытомъ полѣ: штыкъ противъ штыка, грудь противъ груди! Поле сраженія покрыто трупами, и, наконецъ, поляки уступаютъ...

„Вдругъ, во весь опоръ мчатся польскіе уланы изъ отряда генерала Бѣляка, стоявшаго съ двумя полками поблизости Столовичей. Уланы окружаютъ слабый отрядъ Суворова, и битва возобновляется съ прежнимъ ожесточеніемъ.

„Но при всѣхъ усиліяхъ, при отчаянной храбрости непріятеля — нѣтъ возможности сломить Суворовскаго фронта! Люди его — каменные! Казаки, послѣ продолжительной рѣзни, наконецъ, прогнали польскихъ уланъ. Колонна наша бросилась бѣгомъ на непріятеля, ударила въ штыки, непріятель дрогнулъ и побѣжалъ!

„Огинскій скрылся еще ночью. Польскій отрядъ, безъ вождя, разсѣялся, оставивъ половину своихъ на мѣстѣ сраженія.

„Число плѣнныхъ превышало число побѣдителей. Вся артиллерія Огинскаго (12 пушекъ), обозъ, гетманскія регаліи, военная казна, знамена и множество лошадей достались побѣдителямъ.

„Давъ своимъ храбрецамъ на отдыхъ *одинъ только часъ*, Суворовъ возвратился въ Слоним и, оставивъ тамъ плѣнныхъ, раненыхъ и тяжести, пошелъ немедленно къ Пинску, гдѣ находилась свита Огинскаго и гдѣ было собраніе его приверженцевъ, ра-

загналъ ихъ, разсѣялъ, принудилъ къ покорности и черезъ Брестъ возвратился снова въ Люблинъ, успокоивъ Литву и лишивъ конфедератовъ послѣдней надежды къ возмущенію этой провинціи".

Подвигъ Суворова былъ безпримѣренъ; во всемъ войскѣ только и разговору было, что о немъ. Тѣмъ не менѣе, Веймарнъ былъ очень недоволенъ самовольнымъ походомъ Суворова и послалъ на него, какъ на ослушника, жалобу въ Петербургъ. Но, вмѣсто наказанія, Суворовъ получилъ благодарность императрицы и орденъ Александра Невскаго.

Герой былъ растроганъ такимъ милостивымъ отношеніемъ Екатерины II и, утирая слезы, промолвилъ: „Матушка меня не забываетъ".

Вскорѣ послѣ этого послѣдовала смѣна Веймарна; его замѣнилъ Бибиковъ, другъ Суворова. Но многочисленные завистники и враги Александра Васильевича продолжали его безпокоить своими интригами и клеветой. Прошло еще нѣсколько времени; русскими была взята сильная крѣпость Краковъ, чѣмъ нанесенъ былъ смертельный ударъ конфедераціи, между тѣмъ, просьбы Суворова о томъ, чтобы его отозвали изъ Польши, повторялись все чаще и чаще.

Желаніе его, наконецъ, было исполнено: его перевели въ Финляндію, гдѣ онъ, по данной инструкціи, долженъ былъ осмотрѣть шведскую границу и сдѣлать донесеніе о положеніи дѣла въ пограничной Финляндіи. Отношенія между Россіей и Швеціей въ то время были натянуты, и каждый часъ можно было ожидать военныхъ дѣйствій. Данное порученіе Суворовъ, по обыкновенію, выполнилъ прекрасно.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

Настоящаго военнаго дѣла въ Финляндіи, однако, не было. Суворовъ скучалъ и сталъ просить о назначеніи его въ дѣйствующую армію въ Турцію: Россія въ это время вела первую войну съ турками. Желаніе его скоро исполнили, и въ маѣ 1773 года онъ уже скакалъ въ Яссы, гдѣ была расположена квартира русскаго главнокомандующаго Румянцева.

Румянцевъ Задунайскій.

Въ Яссахъ герой конфедератской войны встрѣтилъ холодный пріемъ. Причиной этого, съ одной стороны, было то, что Румянцевъ былъ не въ духѣ, такъ какъ незадолго передъ этимъ война приняла неблагопріятный для насъ оборотъ; съ другой,— нерасположеніе Румянцева къ Суворову, котораго онъ считалъ выскочкой. Суворова назначили въ дивизію графа Салтыкова и дали ему командовать маленькимъ отрядомъ, который былъ расположенъ на Дунаѣ, противъ небольшого турецкаго городка Туртукая.

Прибывъ къ отряду, Суворовъ немедленно сталъ готовиться къ переправѣ черезъ Дунай. Но первая попытка его была неудачна. Турки во-время замѣтили приготовленія русскихъ и въ первую же ночь, безшумно переплывъ Дунай, напали на передовой русскій отрядъ. Самъ Суворовъ, бывшій всегда впе-

реди, едва не погибъ и спасся только благодаря присутствію духа. Но первое замѣшательство скоро прошло, русскіе быстро оправились и опрокинули непріятельскій отрядъ, который поспѣшилъ снова переправиться на ту сторону рѣки.

Послѣ этого Суворовъ получилъ приказъ отъ Салтыкова оставить пока Туртукай и не подвергать войско явной опасности. Не такъ, однако, смотрѣлъ на дѣло самъ Суворовъ. Онъ хорошо уже успѣлъ изучить мѣстныя условія, побѣда казалась ему такой легкой, что онъ не могъ удержаться и еще разъ рѣшился поступить самостоятельно, будучи вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ.

„Въ ночь на 10 мая,—пишетъ историкъ *),—пѣхота поплыла черезъ Дунай въ лодкахъ; конница пустилась вплавь. Непріятель открылъ пальбу съ прибрежной батареи, но войска успѣли пристать къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки; другая напала на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ третій отрядъ на крѣпостныя укрѣпленія. На дорогѣ нашли заряженную непріятельскую пушку, и выстрѣлъ изъ нея едва не погубилъ Суворова, такъ какъ пушку разорвало; онъ упалъ, жестоко контуженный, но тотчасъ же поднялся, схватилъ ружье, первый вскочилъ на турецкій редутъ, оттолкнулъ бородатаго янычара, приставилъ къ груди его ружье и закричалъ солдатамъ: „Бери его!“ Турки бѣжали изъ редута почти безъ боя. Городъ и флотилія были въ рукахъ русскихъ также послѣ слабаго сопротивленія. Шесть легкихъ турецкихъ орудій было увезено на лодкахъ; восемь тяжелыхъ пушекъ бросили въ Дунай; 10 знаменъ,

*) Н. А. Полевой. «Исторія графа Суворова».

50 лодокъ и другихъ судовъ, въ числѣ ихъ многія съ товарами, были трофеями первой побѣды Суворова надъ турками. Солдатамъ досталась столь богатая добыча, что послѣ благодарственнаго молебна горстями сыпали они въ церковную кружку червонцы и серебряныя деньги".

О своемъ успѣхѣ Суворовъ сообщалъ фельдмаршалу кратко:

„Слава Богу, слава намъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ!"

писалъ онъ, сидя на барабанѣ, среди всеобщей суматохи.

Дѣло подъ Туртукаемъ вызвало всеобщее ликованіе. Но главнокомандующій, раздраженный, впрочемъ, другими событіями войны, отнесся къ Суворову строго. Онъ лишилъ его командованія и предалъ военному суду за ослушаніе. Судъ приговорилъ Суворова къ смертной казни. Приговоръ суда, вмѣстѣ со стихами героя о взятіи Туртукая, препроводили къ императрицѣ.

Страдая лихорадкой и мучась отъ полученной контузіи, Суворовъ поселился въ Бухарестѣ, ожидая окончанія своего дѣла. Отвѣтъ императрицы не заставилъ себя долго ждать. Возвращая приговоръ суда, Екатерина написала на немъ: „Побѣдителя не судятъ", и въ знакъ своего расположенія къ герою Туртукая, прислала ему крестъ св. Георгія 2-ой степени „за храброе и мужественное дѣло".

Слѣдующими подвигами Суворова въ этой войнѣ были побѣды его надъ турками при Гирсовѣ и Козлуджи. Гирсово былъ единственный пунктъ, остававшійся въ рукахъ русскихъ по ту сторону Дуная. Положеніе его было очень опасно, такъ какъ турки

рѣшили во что бы то ни стало отнять его у русскихъ и двинули туда значительное войско. Для защиты Гирсова Румянцевъ назначилъ Суворова.

Александръ Васильевичъ продолжалъ еще проживать въ Бухарестѣ, когда пришло къ нему новое назначеніе. Къ прежнимъ его недугамъ прибавился еще одинъ: онъ упалъ съ лѣстницы и сильно ушибся, вслѣдствіе чего ему пришлось пролежать лишнихъ двѣ недѣли. Наконецъ, силы его нѣсколько окрѣпли, и онъ поспѣшилъ къ Гирсову. Только теперь, прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ увидалъ, насколько опасно и почти невыполнимо было порученное ему дѣло. Къ Гирсову двигалось одиннадцатитысячное турецкое войско, между тѣмъ какъ въ распоряженіи Суворова было только 2.500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и нѣсколько сотенъ казаковъ. Трудность предстоящаго дѣла, однако, нисколько не смущала героя. Наоборотъ, онъ даже былъ очень доволенъ, что ему поручали почти всегда *самыя опасныя* дѣла, за которыя другіе не рѣшались браться.

Битва началась на разсвѣтѣ. Ночь передъ этимъ Суворовъ провелъ безъ сна, обозрѣвая позицію непріятеля. Рано утромъ онъ отдалъ приказъ переднимъ рядамъ подпустить турокъ, какъ можно ближе, отбиваясь отъ нихъ лишь слегка. Хитрость удалась вполнѣ. Турки, видя, что русскіе отступаютъ, бѣшено бросились впередъ, но были встрѣчены убійственнымъ пушечнымъ огнемъ скрытой артиллеріи; въ то же время двѣ скрытыя колонны ударили на нихъ въ штыки съ фланговъ.

Ударъ былъ разсчитанъ вѣрно, турки не выдержали, смѣшались и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Вся артиллерія ихъ осталась на мѣстѣ. Русскіе преслѣдовали бѣгущихъ на разстояніи трп-

дцати верстъ. Разсказываютъ, что Румянцевъ послѣ этой побѣды велѣлъ во всей арміи отслужить благодарственный молебенъ, а Суворову объявилъ благодарность „за храбрость и искусство“.

Еще болѣе замѣчательной является побѣда при селеніи Козлуджи. Турецкій отрядъ здѣсь состоялъ изъ сорока тысячъ человѣкъ. Суворовъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Каменскимъ, будучи ему подчиненъ, какъ генералу *старшему по чину*. (Такое распоряженіе было явной несправедливостью къ Суворову, который былъ лишь на годъ позже произведенъ въ генералы). Непріятельскія войска были раздѣлены густымъ лѣсомъ. Суворовъ осмотрѣлъ лѣсъ и рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, не дожидаясь распоряженій Каменскаго. Стояла нестерпимая жара, когда отрядъ Суворова вступилъ на лѣсную дорогу, которая была такъ узка, что съ трудомъ можно было итти по́ четыре человѣка въ рядъ. Солдаты то и дѣло падали отъ усталости и жажды. Наконецъ, вдали показалась обширная поляна, гдѣ былъ расположенъ турецкій лагерь. Едва только русскіе показались на полянѣ, какъ турки открыли противъ нихъ огонь. Но это не помѣшало молодцамъ Суворова быстро построиться въ колонны и сейчасъ же двинуться впередъ. Скоро турецкія батареи были уже въ рукахъ русскихъ, которые, овладѣвъ пушками, неудержимо двигались къ непріятельскому лагерю, гдѣ закипѣла вскорѣ отчаянная, ужасная битва. Турки стояли до послѣдней возможности, но потомъ не выдержали дружнаго натиска *суворовцевъ* и обратились въ постыдное бѣгство. День клонился къ вечеру, когда Суворовъ вошелъ въ оставленный турками лагерь и отдалъ его на грабежъ солдатамъ.

Каменскій явился къ мѣсту побѣды только на другой день. Онъ не сталъ упрекать Суворова въ непослушаніи, но зато успѣхъ побѣды приписалъ себѣ и въ такомъ духѣ сдѣлалъ донесеніе Румянцеву. Нужно ли говорить о томъ, какую душевную горечь испытывалъ Суворовъ, видя явную несправедливость къ себѣ. Онъ сдалъ свой отрядъ и поспѣшилъ уѣхать въ Яссы, чтобы продолжать лѣченіе отъ лихорадки, которая упорно не оставляла его.

Между тѣмъ, блистательная побѣда при Козлуджи совершенно измѣнила дѣло: турки пали духомъ, явилась возможность склонить ихъ на миръ, который и былъ заключенъ 10 іюля 1774 года въ Кучукъ-Кайнарджи, главной квартирѣ Румянцева.

Такъ кончилась первая турецкая война. Россія пріобрѣла Азовъ, Керчь, Кинбурнъ, при устьѣ Днѣпра, и степь между Днѣпромъ и Бугомъ. Кромѣ того, русскіе получили право свободно плавать по Черному морю и Дарданельскому проливу.

ПУГАЧЕВЪ.

По окончаніи войны, Суворовъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ его отецъ. Подвиги героя давно уже обращали на себя всеобщее вниманіе, и народъ всюду искалъ случая, чтобы видѣть Александра Васильевича. Пребываніе Суворова въ Москвѣ, однако, было непродолжительно: его ждало новое дѣло, на этотъ разъ въ юго-восточныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ вспыхнуло народное возстаніе, поднятое Емельяномъ Пугачевымъ.

Пугачевъ былъ донской казакъ. Раньше онъ служилъ въ войскахъ: участвовалъ сначала въ семи-

лѣтней войнѣ, затѣмъ — въ турецкой кампаніи. Заболѣвъ, Пугачевъ оставилъ службу и вернулся опять на Донъ. Здѣсь у него явилась мысль объявить себя императоромъ Петромъ III. Свое намѣреніе онъ исполнилъ, однако, лишь тогда, когда перебрался на Яикъ (нынѣшній Уралъ), гдѣ и началъ свое смѣлое дѣло. На призывъ Пугачева откликнулись тысячи разнаго народа: къ нему шли раскольники, крѣпостные крестьяне, бѣжавшіе отъ господъ, бѣглые русскіе люди, киргизы, башкиры и т. п. Отрядъ, высланный Екатериной противъ Пугачева, былъ разбитъ имъ наголову, и возстаніе широкой волной разлилось по всей Волгѣ, отъ Астрахани до Нижняго. Мятежники всюду грабили и убивали помѣщиковъ и дворянъ, а вѣрные слуги императрицы предавались лютой казни. Селенія и города одинъ за другимъ переходили въ руки Пугачева. Положеніе становилось опаснымъ, такъ какъ почти всѣ войска были въ Турціи и Польшѣ, а небольшіе отряды, высланные противъ мятежниковъ, дѣйствовали безуспѣшно. Тогда противъ Пугачева императрица выслала значительный отрядъ подъ начальствомъ Бибикова. Въ первой же схваткѣ самозванецъ былъ разбитъ, но Бибиковъ внезапно скончался; пугачевцы ободрились и безнаказанно продолжали хозяйничать на Волгѣ. Для скорѣйшаго подавленія мятежа Екатерина назначила графа Панина, давъ ему въ помощь, для заправленія военной частью, Суворова.

Не теряя ни минуты, Суворовъ поскакалъ сначала къ Панину, который въ это время жилъ у себя въ деревнѣ, а оттуда, получивъ приказанія и полномочія, пустился по слѣдамъ Пугачева. Прибывъ въ Саратовъ, Суворовъ узналъ, что Пугачевъ потерпѣлъ подъ Царицынымъ жестокое пораженіе отъ Михель-

сона, перебрался за Волгу и гуляетъ съ толпой казаковъ и бѣглецовъ въ обширныхъ степяхъ между Волгой и Ураломъ. Суворовъ немедленно спустился до Царицына, а оттуда съ небольшимъ отрядомъ казаковъ вступилъ въ безлюдную заволжскую степь

Пиръ Пугачева.

на поимку злодѣя. Предпріятіе это было тяжелое и опасное, такъ какъ пустынная степь грозила гибелью смѣльчакамъ; приходилось отыскивать путь днемъ по солнцу, ночью — по звѣздамъ, терпя въ то же время крайній недостатокъ даже въ хлѣбѣ. Черезъ девять дней, послѣ неимовѣрныхъ лишеній, Суворовъ достигъ, наконецъ, Уральска, гдѣ узналъ къ великой радости, что Пугачевъ пойманъ и выданъ

тамошнему начальству. Скованнаго по рукамъ и ногамъ Пугачева отправили въ Москву въ особой желѣзной клѣткѣ на четырехъ колесахъ; для сопровожденія плѣнника Суворовъ снарядилъ пѣшій и конный конвой съ пушками.

Въ Москвѣ Пугачева приговорили къ смертной казни. Но волненіе, поднятое имъ, улеглось не сразу: отдѣльныя разбойничьи шайки долго еще бродили по Волгѣ; умиротвореніе края производилось постепенно. Это трудное дѣло впачалѣ было поручено также Суворову. Ему ввѣрили начальство надъ всѣмъ 80-тысячнымъ войскомъ, расположеннымъ на Волгѣ.

Дѣйствуя большей частью путемъ милосердія и оказывая снисхожденіе къ виновнымъ, Суворовъ оставилъ по себѣ добрую память въ жителяхъ волжскихъ областей, гдѣ онъ съ обычнымъ рвеніемъ работалъ всю зиму 1774—75 годовъ.

ЖЕНИТЬБА СУВОРОВА. СУВОРОВЪ НА КАВКАЗѢ И ВЪ КРЫМУ.

Къ этому же времени относится большая перемѣна, происшедшая въ личной жизни Суворова: въ 1775 году онъ, уступая просьбамъ престарѣлаго отца, женился на дочери своего сослуживца, князя Прозоровскаго, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ. Бракъ Суворова былъ полной неожиданностью для всѣхъ, такъ какъ трудно было разсчитывать, чтобы 40-лѣтній холостякъ, посвятившій всего себя военной жизни, болѣе двадцати лѣтъ ночуя на поляхъ битвъ и походовъ, могъ имѣть сильное расположеніе къ тихой семейной жизни.

Отъ брака съ Прозоровской у Суворова было двое дѣтей — сынъ и дочь, которыхъ онъ страстно любилъ. Дочь его впослѣдствіи воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; отецъ называлъ ее „Суворочкой“ и говорилъ, что она служитъ единственнымъ утѣшеніемъ въ его личной жизни, которая для героя сложилась вообще не особенно счастливо.

Вслѣдъ за женитьбой для Суворова наступаетъ самая разнообразная дѣятельность по устройству нашихъ крымскихъ и кавказскихъ дѣлъ. Въ то время Крымъ только что отошелъ отъ Турціи, но не былъ еще окончательно присоединенъ къ Россіи. Оба государства содержали тамъ часть своихъ войскъ. На полуостровѣ, по проискамъ турокъ, постоянно происходили смуты и волненія. Получивъ начальство надъ крымскими войсками, Суворовъ въ короткое время сумѣлъ утвердить значеніе и власть русскихъ среди крымскаго населенія. Турки потеряли здѣсь всякое значеніе, и даже ихъ флотъ не смѣлъ приставать къ крымскимъ берегамъ. Чтобы усилить народонаселеніе по берегамъ Азовскаго моря, Суворовъ уговорилъ крымскихъ христіанъ (армянъ и грековъ) къ переселенію въ Россію. Дѣло это было однимъ изъ трудныхъ, такъ какъ крымскій ханъ не хотѣлъ отпустить отъ себя христіанъ, доставлявшихъ ему значительные доходы. Но, несмотря на это, Суворову въ нѣсколько мѣсяцевъ удалось вывести изъ Крыма до двадцати тысячъ армянъ и грековъ съ ихъ имуществомъ и стадами. Новоселы заняли обширныя земли по Дону, гдѣ греки основали себѣ городъ Маріуполь, а армяне — Нахичевань. Возникшія послѣ этого греческія и армянскія колоніи по берегамъ Азовскаго моря много способствовали оживленію земледѣлія и торговли въ этой пустынной тогда мѣст-

ности. Суворовъ оставилъ Крымъ лишь тогда, когда тамъ водворилось полное спокойствіе.

Не мало труда было положено Суворовымъ и по устройству нашихъ кавказскихъ окраинъ. Въ то время Кавказскій край намъ еще не принадлежалъ. Наша пограничная линія шла по Кубани, гдѣ кочевали ногайцы. Въ первый разъ Суворовъ здѣсь пробылъ всего сто дней, но и за этотъ короткій промежутокъ времени онъ успѣлъ сдѣлать многое: составилъ описаніе края, обучилъ войска на *Суворовскій ладъ*, положилъ конецъ набѣгамъ кубанскихъ татаръ и гораздо сильнѣе и надежнѣе прежняго укрѣпилъ пограничную линію. Вторично прибылъ Суворовъ на Кубань уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда произошло окончательное присоединеніе этой области къ Россіи. Мѣстное населеніе нужно было привести къ присягѣ, а это было дѣломъ далеко не легкимъ, такъ какъ среди населенія не улеглись еще смуты, да и турки не прекращали своихъ всегдашнихъ козней.

„Суворовъ, котораго на Кубани знали съ 1778 года и хранили добрую о немъ память, — пишетъ одинъ изъ историковъ героя *), — взялся за дѣло умѣлой рукой. Въ степь подъ Ейскомъ прикочевали, по его зову, до трехъ тысячъ ногайцевъ, здѣсь они были приняты дружески и угощены на славу. Суворовъ обласкалъ старшинъ и пріятелей; тѣ обѣщались помогать. На второй зовъ прибыло шесть тысячъ кочевниковъ; были стянуты русскія войска и приняты другія мѣры предосторожности. Однако, все обошлось спокойно; обѣдъ былъ гомеровскій, ужинъ также; съѣдено сто быковъ, восемьсотъ барановъ, кромѣ разной мелкой

*) Петрушевскій: «А. В. Суворовъ».

живности, выпито пятьсотъ ведеръ водки. На другой день опять пиръ, на третій — тоже. Суворовъ былъ вездѣ самъ, у всѣхъ на виду, какъ хозяинъ; гости остались имъ очень довольны, принялн присягу, откочевали въ свои мѣста и тамъ привели къ присягѣ остальныхъ".

За труды по устройству крымскихъ дѣлъ Суворовъ получилъ отъ императрицы драгоцѣнную табакерку съ ея портретомъ, осыпаннымъ брилліантами; за усмиреніе ногайцевъ ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 1-ой степени.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что заслуги Суворова передъ родиной были не только на войнѣ, во время битвъ, но и въ мирное время, когда онъ трудился, какъ мудрый устроитель вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ. Всюду онъ оставлялъ по себѣ добрую память, дѣйствуя всегда лаской, дружескимъ обращеніемъ и простотой. Великій человѣкъ сказывался во всемъ!

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ. НАЧАЛО ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Послѣ первой турецкой войны среди сановниковъ того времени быстро сталъ возвышаться Потемкинъ. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императрицы и получилъ въ управленіе только что присоединенный Новороссійскій край, обнимавшій собою весь югъ Европейской Россіи. Здѣсь предстояла большая работа: нужно было укрѣпить предѣлы Россіи новыми городами, заселить необозримыя степи переселенцами, преобразовать казацкія войска и, наконецъ, укрѣпиться на берегу Чернаго моря

чтобы создать русскій флотъ на южныхъ водахъ. Дѣятельнымъ помощникомъ Потемкина во всѣхъ этихъ начинаніяхъ явился Суворовъ, котораго любимецъ императрицы выдѣлялъ изъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ.

Когда новый край былъ, наконецъ, устроенъ, Екатерина задумала сама посѣтить эти мѣста, чтобы собственными глазами увидѣть, „что тамъ сдѣлано, какъ сдѣлано и сколько остается еще сдѣлать“.

Потемкинъ.

Путешествіе императрицы было обставлено неслыханной роскошью и великолѣпіемъ. Потемкинъ хотѣлъ показать все въ лучшемъ видѣ, въ особенности же — состояніе войскъ, служившихъ вѣрнымъ оплотомъ русскаго владычества въ новозавоеванномъ краѣ. Наиболѣе сильная дивизія была расположена подъ городомъ Кременчугомъ. Командованіе ею было поручено Суворову, только что произведенному тогда въ генералъ-аншефы.

Государыня прибыла въ Кременчугъ въ концѣ апрѣля 1787 года и здѣсь произвела смотръ Суворовскимъ чудо-богатырямъ. Состояніе войска было, дѣйствительно, замѣчательное, и парадъ представлялъ собою зрѣлище поразительное, удивлявшее людей не только малоопытныхъ, но и знатоковъ военнаго дѣла. Показать могущество и силу русскаго войска было необходимо еще и потому, что въ свитѣ Ека-

терины было не мало иностранцевъ, сопровождавшихъ ее въ путешествіи. Императрица была очень довольна видѣннымъ и поспѣшила выразить свою признательность Суворову предъ лицомъ всей многочисленной свиты.

Въ это время герою было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Сгорбленный, маленькаго роста, съ сѣдой головой, онъ казался хилымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ „крѣпокъ, здоровъ, проворенъ, неутомимъ, ловко ѣздилъ верхомъ, легко переносилъ труды, безсонницу, голодъ и жажду“. Присоединившись послѣ маневровъ къ свитѣ императрицы, онъ поражалъ всѣхъ своими странностями и чудачествомъ, которыя настолько укрѣпились въ немъ, что онъ уже не могъ отъ нихъ отказаться. Разсказываютъ, что, когда государыня, желая наградить его за маневры, спросила: „Чѣмъ мнѣ наградить васъ, Александръ Васильевичъ?“ — „Ничего не надобно, матушка, — отвѣчалъ Суворовъ, — давай тѣмъ, кто проситъ, вѣдь у тебя такихъ попрошаекъ, чай, много?“ Императрица, однако, продолжала настаивать. „Если такъ, матушка, спаси и помилуй: прикажи заплатить за квартиру моему хозяину — покою не даетъ, а заплатить нечѣмъ!“ — „А развѣ много?“ — поинтересовалась Екатерина. „Много, матушка, — *три рубля съ полтиной!*“ Деньги эти, конечно, сейчасъ же были заплачены квартирохозяину.

По окончаніи путешествія, императрица наградила Суворова богатой табакеркой, стоимостью въ семь тысячъ рублей.

Между тѣмъ, Турція, которая еще не забыла недавняго присоединенія Россіей Крыма, приняла путешествіе Екатерины за вызовъ и объявила въ 1787 году войну Россіи. Началась вторая турецкая война,

прославившая Суворова, какъ величайшаго изъ полководцевъ русскихъ.

Какъ и всегда, Суворову было поручено самое трудное и отвѣтственное дѣло: онъ долженъ былъ охранять побережье Чернаго моря; подъ его начальство поступилъ тридцатитысячный корпусъ войска и Черноморскій флотъ. Первое столкновеніе между воюющими произошло подъ Кинбурномъ, небольшой крѣпостью, лежавшей при Днѣпровскимъ лиманѣ, противъ сильной турецкой крѣпости Очакова. Битва была отчаянная. Турецкія суда высадили свои войска на берегъ и отплыли снова въ море. Турецкій отрядъ, имѣя впереди непріятеля, а позади—море, принужденъ былъ сражаться съ удвоенной храбростью; ему было два выхода: побѣдить или умереть — отступать было некуда. Вначалѣ, дѣйствительно, русскіе не устояли и дрогнули, но достаточно было Суворову крикнуть: „Ребята! за мной!“ чтобы ободрить колебавшихся. Съ каждой минутой битва разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Скоро обѣ стороны смѣшались въ одну ужасную разъяренную толпу. Непріятельское ядро оторвало морду у лошади Суворова, а самого его осколкомъ картечи ранило въ бокъ. Онъ упалъ на землю и лишился чувствъ, но скоро пришелъ въ себя и распорядился двинуть противъ непріятеля остатокъ своего отряда. Въ это время новая пуля прострѣлила ему лѣвую руку. Истекая кровью и теряя сознаніе, герой все-таки продолжалъ руководить сраженіемъ и не оставлялъ поля битвы. Положеніе русскихъ съ каждой минутой становилось опаснѣй. Наконецъ, изъ Херсона подоспѣло подкрѣпленіе. Эта помощь рѣшила битву. Турки не выдержали и обратились въ бѣгство, но путь имъ былъ отрѣзанъ, они столпились на берегу моря и здѣсь или гибли отъ непріятель-

скихъ пуль, или въ ужасѣ бросались въ море, гдѣ и находили себѣ вѣрную смерть. Только теперь Суворовъ рѣшился отправиться въ крѣпость, чтобы какъ слѣдуетъ перевязать свои раны. Побѣда эта имѣла большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны, ободривъ русскихъ и повергнувъ въ унынie турокъ.

Государыня наградила Суворова орденомъ Андрея Первозваннаго, собственноручнымъ рескриптомъ благодарила его за подвигъ и выразила глубокое соболѣзнованіе по поводу полученныхъ имъ ранъ.

„Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ! — писалъ Суворову Потемкинъ, — да возстановитъ Богъ твое здоровье для общихъ трудовъ!“

Солдаты сочинили въ честь кинбурнской побѣды особую пѣсню:

„Наша Кинбурнская коса
Вскрыла первы чудеса!“

Самъ герой, дѣлясь своей радостью съ дочерью, писалъ ей въ Смольный монастырь:

„У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы. А ужъ какъ мы танцовали! Въ боку картечь, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало! То-то была комедія: насилу черезъ восемь часовъ съ театра отпустили. Я только что воротился — проѣздилъ пятьсотъ верстъ верхомъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики, на поляхъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди да осетры — пропасть! Прости, мой другъ Наташа!“

Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ потомъ Суворовъ, лѣчась отъ ранъ.

ОЧАКОВЪ И РЫМНИКЪ.

Послѣ Кинбурнской побѣды прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наступила весна. За это время русскіе разбили сильный турецкій флотъ на Черномъ морѣ, что повергло непріятеля еще въ большее уныніе. Теперь слѣдовало взять турецкую крѣпость Очаковъ, и всѣ, отъ императрицы до простого солдата, ждали этого съ нетерпѣніемъ. Но Потемкинъ (онъ былъ главнокомандующимъ екатеринославской арміей) впалъ въ непонятное бездѣйствіе, робѣлъ и медлилъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Потемкинъ съ сорокатысячнымъ войскомъ медленно подвигался къ Очакову и только въ концѣ іюля 1788 года обложилъ крѣпость. Суворовъ командовалъ лѣвымъ крыломъ Потемкинской арміи и горѣлъ нетерпѣніемъ начать штурмъ крѣпости. Прошелъ, однако, еще мѣсяцъ въ бездѣйствіи, а приказа итти на штурмъ все еще не было; главнокомандующій попрежнему медлилъ. Въ это время совершенно неожиданно случилось одно событіе, едва не отнявшее у русскихъ ихъ славнаго героя—Суворова. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ историкъ*): „27 іюля турки сдѣлали сильную вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ былъ Суворовъ. Ударъ въ штыки заставилъ ихъ бѣжать. Наши гренадеры, разгорячennые преслѣдованіемъ непріятеля, подошли близко къ крѣпости. Оттуда явились на помощь своимъ. Суворовъ долженъ былъ подкрѣпить гренадеръ. Битва завязалась упорная. Турки выходили тысячами. Суворовъ усиливалъ подкрѣпленія, наконецъ, самъ бросился въ огонь, ведя нѣсколько полковъ. Тревога распространилась по

*) Полевой. «Исторія графа Суворова».

крѣпости и по всему лагерю. Турки уступали; побѣда одушевляла русскихъ. Они легко могли ворваться въ Очаковъ. Суворовъ послалъ просить Потемкина двинуться на крѣпость со всѣхъ сторонъ. Приближенные Потемкина умоляли его о томъ же, но онъ не внялъ ихъ мольбамъ. Минута была рѣшительная. Можетъ-быть, дѣло рѣшилось бы и безъ помощи, но, къ несчастію, Суворова жестоко ранили: пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Онъ чувствовалъ, что рана была опасная, захватилъ ее рукою и поскакалъ въ свою палатку, сдавъ команду генералъ-поручику Бибикову. Не зная, что дѣлать, и не видя подкрѣпленія, Бибиковъ смѣшался и поспѣшно велѣлъ отступать. Турки ободрились, ударили на отступающихъ и обратили ихъ въ бѣгство. Нѣсколько сотъ человѣкъ русскихъ погибло подъ саблями янычаръ“.

Рана Суворова была признана опасной. Врачи хотя и во-время успѣли вынуть пулю, но положеніе больного не улучшалось: его мучила изнурительная лихорадка, сопровождавшаяся безпрестанными обмороками. Каждый день ждали кончины Александра Васильевича, унынie распространилось по всей арміи. Больному сдѣлали вторичную операцію: вынули изъ раны оставшіеся тамъ кусочки сукна и подкладки.

Закаленная натура Суворова, однако, взяла свое; герой сталъ понемногу оправляться. Онъ покинулъ лагерь подъ Очаковымъ и переѣхалъ въ Кинбурнъ, гдѣ выздоровленіе его пошло быстрѣе. Но тутъ случилось новое несчастіе: недалеко отъ дома Суворова взорвало артиллерійскую мастерскую. Одна изъ бомбъ пробила потолокъ комнаты, гдѣ лежалъ выздоравливающій больной, и ранила его въ лицо, болѣзнь затянулась.

Герою Кинбурна не удалось присутствовать при взятіи Очакова, который палъ въ декабрѣ 1788 года; тѣмъ не менѣе, государыня пожаловала ему брилліантовое перо въ шляпу. На перѣ была изображена буква „К“—въ честь кинбурнской побѣды.

Шелъ уже третій годъ войны. Россія склонна была заключить миръ, такъ какъ ей приходилось вести еще войну со Швеціей и готовиться къ войнѣ съ Пруссіей, но въ Турціи только что вступилъ тогда на престолъ новый султанъ Селимъ, который ни за что не хотѣлъ начинать свое правленіе унизительнымъ для себя миромъ, и военныя дѣйствія начались снова.

Потемкинъ былъ назначенъ теперь главнокомандующимъ всѣми войсками. Онъ поручилъ Суворову крайній правый флангъ арміи, благодаря чему Александръ Васильевичъ очутился въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ принцемъ Кобургскимъ, который командовалъ лѣвымъ крыломъ австрійцевъ, воевавшихъ въ союзѣ съ русскими противъ турокъ. Эта позиція была наиболѣе опасною, такъ какъ турки стягивали сюда главныя свои силы. Суворову было приказано дѣйствовать сообща съ Кобургскимъ и не допускать предъ собой скопленія непріятельскихъ войскъ, атаковывая ихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Первая стычка была при Фокшанахъ. Кобургскій, узнавъ о приближеніи турокъ, послалъ къ Суворову просить помощи.

— *Иду! Суворовъ,* — былъ отвѣтъ героя, выступившаго, не теряя ни минуты, на помощь союзнику. По невозможной дорогѣ двигался отрядъ Суворова въ теченіе 28 часовъ и за это время успѣлъ сдѣлать переходъ въ 80 верстъ. Всѣ были поражены необычайной быстротой движенія. Принцъ немедленно

пожелалъ отправиться къ Суворову на свиданіе, но послѣдній, боясь потерять напрасно время въ безполезныхъ разговорахъ, велѣлъ отвѣтить, что „Суворовъ идетъ сзади“. Прошла ночь. Съ разсвѣтомъ былъ отданъ приказъ выступать противъ турокъ. Кобургскій сначала былъ въ нерѣшительности, такъ какъ непріятель значительно превосходилъ русскихъ и австрійцевъ своей численностью, но затѣмъ онъ довѣрился опытности Суворова, и войска двинулись. Быстро былъ опрокинутъ передовой турецкій отрядъ въ пять тысячъ человѣкъ; затѣмъ началась горячая атака турецкой кавалеріи. Турки нападали отрядами и каждый разъ были отбиваемы русскими, которые гнали ихъ къ Фокшанамъ, гдѣ былъ расположенъ главный турецкій лагерь. Когда союзники были уже недалеко отъ лагеря, турки открыли по нимъ жестокій пушечный огонь. Суворовъ отдалъ приказъ итти впередъ, не останавливаясь. Скоро наши войска были внѣ выстрѣловъ и ударили въ штыки. Турки не устояли, въ безпорядкѣ бросились бѣжать по направленію къ рѣкѣ Рымнику. Русскимъ достался весь лагерь съ 16 знаменами и 12 пушками. Бой продолжался почти 10 часовъ; со стороны союзниковъ въ немъ участвовало двадцать пять тысячъ человѣкъ, силы непріятеля достигали пятидесяти тысячъ.

Послѣ сраженія Суворовъ и Кобургскій съѣхались и крѣпко обнялись; съ этого времени между ними установилась самая тѣсная дружба.

Но еще болѣе жестокое пораженіе понесли турки при Рымникѣ. Здѣсь у непріятеля было войска болѣе ста тысячъ человѣкъ, у союзниковъ же, какъ и при Фокшанахъ, всего только двадцать пять тысячъ. Общій планъ сраженія здѣсь былъ тотъ же, что и при Фокшанахъ. Быстрота дѣйствій Суворова была изу-

мительна. Великій визирь спокойно пилъ въ своей палаткѣ кофе, когда послышались первые выстрѣлы русскихъ. Чашка выпала изъ рукъ турецкаго предводителя, и онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Суворовъ такъ быстро могъ приблизиться къ ихъ главному лагерю.

Союзная конница, подкрѣпляемая пѣхотой, быстро надвигалась на турокъ. Янычары (отборное турецкое войско), отстаивая лагерь, бились отчаянно, но все было безуспѣшно: союзники брали одну позицію за другой; казалось, никакая сила не можетъ устоять противъ „орловъ“, предводимыхъ Суворовымъ. Турки не выдержали и побѣжали. Съ Кораномъ въ рукахъ визирь тщетно пытался остановить бѣгущую армію. Преслѣдуемые союзниками, турки гибли тысячами. Особенно много погибло ихъ при переправѣ черезъ Рымникъ. Побѣдителямъ досталась богатая добыча: сотни знаменъ, 80 пушекъ, нѣсколько тысячъ повозокъ съ разнымъ добромъ, цѣлыя стада скота. Потеря турокъ простиралась до пятнадцати тысячъ человѣкъ.

Разсказываютъ, что въ числѣ взятыхъ пушекъ было много австрійскихъ; во время дѣлежа между союзниками возникъ споръ. „Отдайте имъ все,—сказалъ Суворовъ,—вѣдь они свое берутъ. Мы себѣ еще достанемъ, а имъ гдѣ взять!“

Рымникская побѣда произвела всеобщій восторгъ въ Россіи и Австріи. Суворовъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й степени и графское достоинство, съ наименованіемъ *Рымникскаго;* кромѣ того, императрица пожаловала ему богатую шпагу и бриллiантовый перстень. Отъ австрійскаго императора герой получилъ титулъ графа Священной Римской Имперіи.

Богатыя награды получилъ также и принцъ Кобургскій.

ИЗМАИЛЪ.

Рымникская побѣда не принудила турокъ къ миру. Война продолжалась. Послѣ Рымника Суворовъ стоялъ въ Берладѣ, гдѣ занимался обученіемъ войска. Поздней осенью 1790 года онъ получилъ приказъ отъ Потемкина, во что бы то ни стало, взять турецкую крѣпость Измаилъ. Это была одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей того времени не только у турокъ, но и во всей Европѣ. Расположенный при истокѣ Дуная, Измаилъ считался неприступной твердыней. Его крѣпостной валъ тянулся на 6 верстъ, при высотѣ до 4 саженъ; глубина рвовъ доходила также до 4 саженъ при шестисаженной ширинѣ. Со стороны Дуная крѣпость была защищена каменною стѣною. Гарнизонъ Измаила состоялъ изъ сорока тысячъ человѣкъ, при 250 пушкахъ. Взятіе этой крѣпости, несомнѣнно, должно было ускорить переговоры о мирѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ждала Россія, истомленная продолжительной войной.

Чтобы судить о трудности дѣла, которое предстояло совершить Суворову, достаточно указать на то, что въ распоряженіи полководца находилось лишь двадцать восемь тысячъ человѣкъ войска, изнуреннаго недостаткомъ жизненныхъ припасовъ, ослабленнаго болѣзнями, усилившимися съ наступленіемъ осени.

Сборы Суворова были непродолжительны: второго декабря онъ былъ уже подъ Измаиломъ и дѣлалъ приготовленія къ приступу. На военномъ совѣтѣ крѣпость рѣшено было взять штурмомъ. Мигомъ закипѣла работа во всѣхъ частяхъ войска: гдѣ насыпали окопы для батарей, гдѣ заготовляли штурмовыя

лѣстницы и фашины *). Когда все было готово, Суворовъ послалъ письмо къ сераскиру (начальнику крѣпости) съ предложеніемъ сдать Измаилъ безъ боя.

„Скорѣе небо упадетъ на землю, и Дунай потечетъ кверху, нежели я сдамъ Измаилъ“, — отвѣчалъ гордый сераскиръ.

Дальнѣйшіе переговоры были безполезны. Штурмъ крѣпости былъ назначенъ на 11 декабря.

Наканунѣ Суворовъ собралъ изъ каждаго полка лучшихъ старыхъ служакъ и говорилъ имъ о важности предстоящаго дѣла. Его слова воодушевили солдатъ, безгранично любившихъ своего предводителя. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала штурма. Наступила ночь съ 10 на 11 декабря. Въ лагерѣ русскихъ была торжественная тишина, хотя едва ли кто спалъ въ эту послѣднюю для многихъ ночь. Въ воздухѣ свѣжѣло, морозъ затянулъ жидкую грязь, что значительно облегчало движеніе войска.

Въ три часа ночи взлетѣла первая ракета, тысячью искръ освѣтившая темное пространство. Всѣ взялись за оружіе. Черезъ часъ взвилась новая ракета, и войска построились въ боевой порядокъ. Еще разъ Суворовъ объѣхалъ войска, всюду дѣлая наставленія и распоряженія. Въ пять часовъ пустили третью ракету, и колонны двинулись на штурмъ.

Картина страшной, ужасной рѣзни, которая происходила передъ стѣнами и на стѣнахъ Измаила не поддается описанію. Это было нѣчто невѣроятное. Самъ Суворовъ говорилъ впослѣдствіи, что только разъ въ жизни можно предпринять такой штурмъ. Несмотря на убійственный турецкій огонь, русскіе неустрашимо взбирались на валъ, переходили рвы, лѣзли на

---

*) Фашины — связки хвороста для наполненія рвовъ.

стѣны. Въ одномъ мѣстѣ офицеры цѣлаго отряда были перебиты, люди пришли въ замѣшательство; минута была критическая, по среди колебавшихся явился полковой священникъ съ крестомъ въ рукѣ и повелъ ихъ впередъ. Въ другомъ мѣстѣ отрядомъ командовалъ Кутузовъ (впослѣдствіи герой отечественной войны); его небольшой отрядъ быстро рѣдѣлъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль; Кутузовъ послалъ къ Суворову за помощью и велѣлъ сказать при этомъ, что онъ не въ силахъ птти дальше. Суворовъ отправилъ къ нему на помощь двѣсти человѣкъ и поздравилъ съ званіемъ коменданта крѣпости Измаила. Это такъ воодушевило Кутузова и его отрядъ, что уже больше никто не думалъ объ отступленіи.

На стѣнахъ Измаила.

Штурмъ продолжался три часа; въ 8 часовъ утра крѣпостныя стѣны всѣ уже были въ рукахъ русскихъ, но сраженіе далеко еще не кончилось, такъ какъ турки проявляли изумительную стойкость: приходилось брать съ боя каждую улицу, каждый домъ, каждую площадь, каждую мечеть. Даже женщины съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали каждый клочокъ земли.

Къ 4 часамъ дня бой, наконецъ, кончился. Двадцать шесть тысячъ турокъ, во главѣ съ сераскиромъ, сложили свои головы, отстаивая грозный Измаилъ. Русскихъ пало болѣе восьми тысячъ.

Въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ сообщалъ Суворовъ о взятіи Измаила. Императрицѣ онъ писалъ: „Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества!“ Потемкину: „Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе Измаила, но Измаилъ взятъ. Поздравляю В. С.“.

Шесть дней потомъ очищали городъ отъ труповъ убитыхъ. Войска получили богатую добычу: однѣхъ лошадей было взято болѣе десяти тысячъ головъ; драгоцѣнностей—болѣе чѣмъ на милліонъ рублей и несмѣтное множество боевыхъ и харчевыхъ припасовъ.

Дѣло, совершенное Суворовымъ, было безпримѣрно въ военныхъ лѣтописяхъ. Имя героя стояло теперь выше всѣхъ его современниковъ.

Жившій въ то время поэтъ Державинъ воспѣлъ взятіе Измаила въ особой одѣ. Вотъ отрывокъ изъ нея:

„Везувій пламень изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ,
Вагрово зарево зіяетъ,
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Блѣдпѣетъ понтъ, ревetъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ гремятъ удары,
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы.
О, Россъ! Таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!..“

Во время взятія Измаила Потемкинъ жилъ въ Ясахъ. Для Суворова онъ велѣлъ приготовить пышную встрѣчу. Но измаильскій герой, избѣгавшій

роскоши, пріѣхалъ въ Яссы ночью въ простой повозкѣ. Потемкинъ встрѣтилъ Александра Васильевича на лѣстницѣ, восторженно обнялъ его и поцѣловалъ, говоря:

Державинъ.

— Чѣмъ могу вознаградить васъ, Александръ Васильевичъ, за ваши заслуги?

— Помилуй Богъ, ваша свѣтлость! — отвѣчалъ Суворовъ. — Я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ. Вознаградить же меня могутъ только Богъ и императрица.

Нечего и говорить, какъ эти слова оскорбили гордаго временщика. Отношенія его къ Суворову сразу измѣнились, и они разстались холодно.

Любимецъ императрицы, Потемкинъ имѣлъ громадное вліяніе при дворѣ. Онъ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы отомстить Суворову за его прямой и искренній отвѣтъ. Александръ Васильевичъ былъ тотчасъ же отозванъ съ театра военныхъ дѣйствій въ Петербургъ, и здѣсь, вмѣсто фельдмаршальства, которое онъ вполнѣ заслужилъ, его зачислили лишь подполковникомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ сама императрица числилась полковникомъ. Кромѣ этого, Суворову былъ пожалованъ орденъ Георгія 3 степени, для возложенія, по его усмотрѣнію, на достойнѣйшаго.

Зато неисчислимыя милости посыпались на Потемкина. Всѣ успѣхи военныхъ дѣйствій приписывались ему одному, для него велѣно было воздвигнуть особый дворецъ, передъ которымъ долженъ быть поставленъ памятникъ Потемкину; наконецъ, ему былъ пожалованъ фельдмаршальскій мундиръ, обшитый брилліантами.

Въ ознаменованіе славныхъ побѣдъ, Потемкинъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, устроилъ въ Таврическомъ дворцѣ неслыханный по своей роскоши пиръ. Вся столичная знать была налицо; не было только самаго главнаго виновника побѣдъ надъ турками — Александра Васильевича Суворова. По желанію Потемкина, онъ, за три дня до бала, былъ посланъ въ Финляндію, чтобы осмотрѣть шведскую границу. Тяжелое чувство переживалъ герой Измаила, видя такую явную несправедливость къ себѣ!

Въ 1791 году окончилась война съ турками. Миръ былъ подписанъ 29 декабря. Потемкинъ про-

жилъ послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ умеръ по дорогѣ въ свой любимый городъ Николаевъ, куда поѣхалъ, чувствуя приближеніе смерти.

„Се человѣкъ, се образъ мірскихъ суетъ; бѣги отъ нихъ, мудрый!“ — писалъ Суворовъ, получивъ извѣстіе о смерти Потемкина.

СУВОРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Осмотрѣвъ шведскую границу и составивъ планъ укрѣпленія ея, Суворовъ прибылъ въ Петербургъ съ докладомъ къ государынѣ. Императрица одобрила предположенія Суворова и назначила его строителемъ крѣпостей и командующимъ финляндскими войсками. Онъ дѣятельно принялся за выполненіе даннаго ему порученія, но въ то же врéмя сильно скучалъ: мирная дѣятельность была ему не по натурѣ.

Тяжесть его положенія еще болѣе усиливалась тѣмъ, что приходилось вести постоянную и упорную борьбу съ многочисленными завистниками и врагами. А послѣднихъ было у нашего героя не мало. Его прямой и открытый характеръ, его честный образъ дѣйствій вызывали всегда неудовольствіе среди тѣхъ, кто пробивалъ себѣ дорогу въ жизни не трудомъ и знаніями, а лестью, хитростью, родовитостью и т. п. средствами, къ которымъ прибѣгаютъ души низкія и личности незначительныя по своимъ дарованіямъ.

Два года работалъ Суворовъ въ Финляндіи и много уже успѣлъ сдѣлать и по укрѣпленію границы и по приведенію въ порядокъ войскихъ дѣлъ; но недоброжелатели окончательно измучили его своими интригами и сплетнями. Александръ Васильевичъ сталъ усиленно просить императрицу о переводѣ его или

въ Польшу, или на югъ, во вновь завоеванныя области.

Желаніе героя исполнили: его назначили въ Херсонъ, гдѣ онъ долженъ былъ заняться также укрѣпленіемъ границъ и приведеніемъ войска въ боевой порядокъ. На югѣ Суворову жилось лучше; здѣсь онъ скучалъ меньше, хотя все-таки мирная дѣятельность не удовлетворяла его.

Незадолго передъ этимъ во Франціи произошла революція. Вся страна была объята волненіемъ. Сосѣднія государства составили союзъ противъ Франціи. Суворова тянуло въ союзныя войска. Онъ дважды посылалъ просьбу къ государынѣ о томъ, чтобы ему разрѣшено было ѣхать добровольцемъ къ союзникамъ. Но оба раза онъ получалъ отказъ. Императрица не хотѣла отпустить полководца, котораго ждали новые славные подвиги на родинѣ. Приближался третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

Послѣ второго раздѣла Польша представляла изъ себя государство обезсиленное и не могла уже мечтать о возстановленіи своей независимости. Во время продолжительныхъ волненій много поляковъ выселилось за предѣлы своего отечества и жило въ разныхъ мѣстахъ Европы. Французская революція подняла упавшій духъ польскихъ выходцевъ и поселила въ нихъ надежду увидѣть свою страну вновь возстановленной и самостоятельной. Эта надежда особенно усилилась тогда, когда руководить дѣломъ возстанія Польши взялъ на себя Ѳаддей Костюшко, незнатный шляхтичъ по происхожденію, но искусный полководецъ, отличившійся въ войнѣ за независимость Америки; Костюшко былъ другъ Вашингтона, извѣстнаго американскаго дѣятеля конца восемнадцатаго столѣтія.

Возстаніе началось съ Кракова, куда Костюшко прибылъ изъ-за границы въ началѣ 1794 года. На его голосъ поляки отозвались со всѣхъ сторонъ, такъ какъ вполнѣ довѣряли его опытности и военному искусству. На первыхъ же порахъ возстанцы одержали побѣду надъ русскимъ отрядомъ; это еще больше воодушевило поляковъ, и мятежъ разлился по всей странѣ. Около этого же времени въ Варшавѣ произошла кровавая рѣзня: поляки, воспользовавшись оплошностью начальника русскаго отряда, расположеннаго въ городѣ, внезапно напали на русскихъ и перебили болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Съ каждымъ днемъ положеніе становилось все серіознѣе. Мужеству Костюшки и смѣлости поляковъ, сознававшихъ, что они выходятъ на *послѣднюю* борьбу, нужно было противопоставить человѣка настолько же сильнаго духомъ, насколько и опытнаго въ военныхъ дѣлахъ. Екатерина остановилась на Суворовѣ.

— Я посылаю въ Польшу двойную силу: армію и Суворова,— говорила она, назначая измаильскаго героя главнокомандующимъ противъ поляковъ.

— Слава Богу! Слава Богу! — говорилъ герой, получивъ назначеніе. — Поѣдемъ и покажемъ, какъ бьютъ поляковъ!

Слѣдуя всегдашнему своему правилу—дѣйствовать быстро, Суворовъ, не теряя ни минуты, выступилъ изъ Немирова, гдѣ застало его назначеніе. По невозможной дорогѣ въ 13 дней сдѣлалъ онъ болѣе 450 верстъ и въ Ковелѣ принялъ начальство надъ отрядомъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ.

Трудно описать тотъ восторгъ, съ которымъ войска встрѣтили своего любимаго предводителя.

— Гдѣ онъ, нашъ родимый? Гдѣ онъ? Покажите его намъ, — говорили солдаты, которымъ не удалось еще видѣть Суворова.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодые солдаты просили своихъ болѣе старыхъ товарищей указать имъ Суворова: въ пизепькомъ, невзрачномъ старичкѣ, расположившемся, по прибытіи къ войскамъ, отдыхать на сѣновалѣ, трудно было признать величайшаго полководца того времени.

Отдыхъ Суворова былъ непродолжителенъ. Черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ, онъ, бодрый и дѣятельный, уже былъ на ногахъ, отдавая распоряженія передъ выступленіемъ.

Свои распоряженія, онъ всегда дѣлалъ въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Это Суворовская манера говорить безъ лишнихъ словъ особенно сильно дѣйствовала на солдатъ, воодушевляя и ободряя ихъ. Вотъ образчикъ Суворовской рѣчи:

„Когда пойдемъ, вопамъ итти въ тишипѣ, не говорить ни слова. Безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, *по-русски*! Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтнихъ не трогать. Кого изъ насъ убьютъ—царство небесное! живымъ—слава, слава, слава!“

Первая стычка съ поляками была подъ Кобрипымъ. Безъ особыхъ усилій Суворовъ опрокинулъ польскій отрядъ и занялъ Кобринъ. Поляки соединились подъ начальствомъ Сѣраковскаго и заняли позицію близъ Крупчицкаго монастыря, куда, не теряя ни минуты, двинулся и Суворовъ. Переходъ былъ сдѣланъ въ одну ночь; на разсвѣтѣ противники

были уже другъ противъ друга; ихъ раздѣляло небольшое болото, посрединѣ котораго протекалъ ручей. Первая попытка перейти черезъ болото была неудачна: лошади вязли по колѣно и не могли двигаться. Тогда, по приказанію Суворова, пѣхота разобрала нѣсколько сосѣднихъ избъ и стала мостить переходъ черезъ болото. Все это дѣлалось спѣшно, подъ непрестанными выстрѣлами непріятелей. Переходъ скоро былъ налаженъ, и отрядъ Суворова, имѣя при себѣ четыре пушки, съ большимъ трудомъ перебрался черезъ топь. Построившись въ боевой порядокъ, русскіе ударили въ штыки, поляки были смяты, въ то же время конница ударила на нихъ съ фланговъ. Сѣраковскій, потерявъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, поспѣшилъ укрыться съ уцѣлѣвшимъ отрядомъ въ ближайшій лѣсъ.

Суворовъ далъ своимъ солдатамъ на отдыхъ лишь нѣсколько часовъ. Поляки, однако, были только побиты, но не разбиты. Могъ ли Александръ Васильевичъ при такихъ обстоятельствахъ успокоиться на лаврахъ? Въ полночь былъ уже отданъ приказъ выступать къ Бресту. Хотя разстояніе до Бреста было и небольшое, но переходъ былъ не изъ легкихъ: приходилось два раза переходить въ бродъ р. Мухавецъ и одинъ разъ р. Бугъ. Несмотря на это, русскіе ранним утромъ были уже невдалекѣ отъ Бреста и строились въ боевой порядокъ. Въ это время Сѣраковскій укрылся въ Тирасполѣ, откуда спѣшилъ выступить къ Варшавѣ. Но Суворовъ въ слѣдующую же ночь, черезъ лѣса и болота, двинулся за нимъ. Сѣраковскій былъ настигнутъ врасплохъ; не видя другого выхода, онъ рѣшился на битву. Нестройные отряды поляковъ, конечно, не могли выдержать дружнаго натиска Суворовскихъ молодцовъ и были разбиты наголову.

Сѣраковскій бѣжалъ въ Варшаву, а русскіе заняли Тирасполь и Брестъ.

Дѣйствовать дальше можно было только съ большой осторожностью. Дѣло въ томъ, что въ это время стояла глухая осень; дороги были испорчены, передвиженіе войскъ было затруднено до крайней степени, чувствовался большой недостатокъ въ продовольствіи, а въ довершеніе всего, русскіе не знали даже, гдѣ сосредоточены главныя силы непріятеля. Приходилось дѣйствовать наудачу.

Суворовъ укрѣпился въ Брестѣ и отсюда сталъ разсылать во всѣ стороны легкіе казацкіе отряды для развѣдокъ о непріятельскихъ силахъ. Въ это время другой русскій отрядъ подъ начальствомъ Ферзена двигался отъ Варшавы къ русской границѣ. Корпусъ Ферзена не могъ оставаться подъ Варшавой, такъ какъ союзный намъ прусскій король, дѣйствовавшій совмѣстно съ Ферзеномъ, поспѣшилъ домой, гдѣ также поднималось польское возстаніе. Суворову необходимо было соединиться теперь съ Ферзеномъ, чтобы уже вмѣстѣ дѣйствовать противъ поляковъ. Послѣ долгихъ исканій, посланные Суворовымъ, наконецъ, вернулись и донесли ему, что Ферзенъ перешелъ р. Вислу и идетъ къ Бресту.

Поляки поняли планъ русскихъ и рѣшили воспрепятствовать соединенію двухъ отрядовъ. Подъ начальствомъ Костюшки они бросились наперерѣзъ русскимъ. Но они плохо разсчитали свои силы. Десятитысячный отрядъ Костюшки со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ сильнымъ корпусомъ Ферзена. „Долго, хладнокровно, отчаянно оспаривалъ предводитель поляковъ побѣду и потомъ, безнадежный, искалъ смерти: побѣда не внимала ему, смерть забыла его. Видя совершенное пораженіе поляковъ,

въ отчаяніи бросился онъ на лошадь и думалъ спастись бѣгствомъ. Но, преслѣдуемый казаками и гусарами, онъ попалъ въ болото и завязъ въ немъ. Казаки налетѣли и кололи всѣхъ безъ пощады. Костюшко, пораженный пикою, лишился чувствъ. Уже сабли засверкали надъ его головою, но одинъ изъ бывшихъ при немъ, умирая, собралъ послѣднія силы и закричалъ: *это Костюшко!* Имя Костюшки было такъ извѣстно, что остановило сабли и пики. Костюшко опомнился въ плѣну" *).

Со стороны поляковъ пало шесть тысячъ человѣкъ, тысяча шестьсотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Русскіе потеряли восемьсотъ человѣкъ убитыми и тысячу пятьсотъ — ранеными.

ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Получивъ извѣстіе о пораженіи Костюшки, Суворовъ немедленно выступилъ къ Варшавѣ. Туда же должны были двинуться Ферзенъ и Дерфельденъ, командовавшій третьимъ русскимъ отрядомъ въ Польшѣ. Подъ командой Александра Васильевича собралось теперь до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, съ 86 орудіями. Разбивъ близъ Кобылки четырехтысячный польскій отрядъ, Суворовъ безпрепятственно сталъ поддвигаться къ польской столицѣ.

Варшава была уже недалеко, но прежде чѣмъ вступить въ нее, нужно было овладѣть сильно укрѣпленнымъ предмѣстьемъ столицы — Прагой. Прага отдѣлялась отъ Варшавы р. Вислой, черезъ которую былъ переброшенъ мостъ, прикрытый небольшимъ укрѣпленіемъ. Старинный земляной валъ окружалъ

*) Полевой. «Исторія Суворова».

Прагу со всѣхъ сторонъ; недалеко отъ вала тянулся ретраншаментъ *), только что возведенный жителями Варшавы. Гарнизонъ Праги состоялъ изъ трехъ тысячъ войска съ 100 артиллерійскими орудіями большого калибра.

22 октября Суворовъ былъ уже въ виду Праги, а въ ночь съ 23 на 24 назначенъ былъ штурмъ. Въ приказѣ по ротамъ, прочитанномъ вечеромъ 23 октября, говорилось почти то же самое, что было сказано еще такъ недавно предъ штурмомъ Измаила.

Между тѣмъ, въ самой Варшавѣ съ каждымъ днемъ усиливались волненія и безпорядки. Вѣсть о пораженіи Костюшки у многихъ отняла теперь надежду на счастливый исходъ задуманнаго возстанія. Новый главнокомандующій польскихъ войскъ—Вавржецкій не могъ замѣнить Костюшки, такъ какъ не отличался воинскими дарованіями. Король потерялъ почти всякое значеніе — всѣмъ управлялъ и вѣдалъ народный совѣтъ. Всюду были несогласія, раздоры. Одни хотѣли мира, другіе стояли за то, чтобы биться до послѣдней капли крови. Вавржецкій также стоялъ за войну, но онъ не находилъ нужнымъ защищать Прагу. По его мнѣнію, всѣ войска слѣдовало стянуть въ Варшаву, чтобы противопоставить Суворову значительныя силы. Однако, выполнить этотъ планъ Вавржецкому не удалось: прежде чѣмъ въ Прагѣ получена былъ приказъ объ отступленіи въ Варшаву, Суворовъ началъ штурмъ, — волей-неволей приходилось защищать Прагу.

Не поддается никакому описанію та ужасная картина, которую представлялъ штурмъ Праги. Тутъ все смѣшалось въ одну страшную кровавую, огненную

---

*) Ретраншаментъ — вторичная преграда внутри укрѣпленія.

массу. Поляки защищались отчаянно, и это еще больше раздражило Суворовскихъ чудо-богатырей; они дрались, какъ львы, не давая пощады никому и ничему, что становилось имъ поперекъ пути. Когда укрѣпленія были взяты, и русскіе ворвались уже въ самую Прагу, рѣзня не только не прекратилась, но еще болѣе усилилась. Жители Праги стрѣляли въ непріятеля съ крышъ и изъ оконъ, бросали ему на голову тяжести, обливали горячей водой; это еще больше раздражало русскихъ, которые, въ свою очередь, гнали поляковъ къ Вислѣ, гдѣ они и гибли въ волнахъ. Раздраженіе русскихъ скоро дошло до крайней степени; каждую минуту можно было ожидать, что они бросятся черезъ мостъ въ Варшаву и обратятъ ее въ пепелъ. Чтобы предупредить подобный исходъ, Суворовъ велѣлъ зажечь мостъ черезъ Вислу, и тѣмъ спасъ Варшаву отъ окончательной гибели.

Пораженіе поляковъ было ужасное: ихъ пало въ Прагѣ *тридцать тысячъ человѣкъ*. Самъ Суворовъ вошелъ въ Прагу уже тогда, когда стихли ужасы рѣзни. Немедленно, по его приказанію, всюду были разставлены русскіе караулы, а на берегу Вислы расположилась сильная батарея. Для героя раскинули простую солдатскую палатку, гдѣ онъ и расположился завтракать. Къ столу были приглашены плѣнные генералы. Суворовъ обошелся съ ними ласково и возвратилъ имъ шпаги.

Утромъ слѣдующаго дня изъ Варшавы прибыла депутація къ Суворову. Король польскій писалъ ему, что жители Варшавы просятъ перемирія на недѣлю, послѣ чего обѣщаютъ начать переговоры. Но Суворовъ не соглашался ни на какія переговоры: на поляковъ онъ смотрѣлъ, какъ на мятежниковъ, и требовалъ отъ нихъ немедленной покорности. „Договоры

не нужны,—писалъ онъ,—войско обезоруживается, и всякое оружіе отдается русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе немедленно вступаютъ въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. Отвѣтъ черезъ 24 часа".

Обращаясь затѣмъ къ депутатамъ, Суворовъ воскликнулъ: „Миръ, тишина и спокойствіе пусть будутъ между нами!" Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ обнимать депутатовъ, которые начали было что-то говорить, но Суворовъ не далъ имъ докончить, повторяя безпрестанно, что онъ воюетъ не съ Польшей, а съ мятежниками.

Сдача Варшавы произошла 29 октября. Утромъ въ этотъ день при звукахъ музыки и барабанномъ боѣ началось вступленіе русскихъ войскъ по возобновленному мосту. Суворовъ, окруженный генералитетомъ, ѣхалъ на простой казацкой лошади. Члены варшавскаго магистрата дожидались его въ концѣ моста, держа на блюдѣ хлѣбъ-соль и серебряные ключи города. Дружески обнялъ Александръ Васильевичъ правителей города, поцѣловалъ поданные ему ключи и, обращаясь къ окружающимъ, сказалъ: „Благодарю Бога, что они куплены не такою цѣною, какъ..."—полные слезъ глаза его при этомъ обратились къ Прагѣ. Народъ спокойно принялъ русскихъ, занявшихъ польскую столицу.

Въ этотъ же день вечеромъ Суворовъ доносилъ императрицѣ: „Всемилостивѣйшая государыня! Ура! Варшава наша!"

Съ побѣжденными Суворовъ былъ въ высшей степени мягокъ и снисходителенъ. Оставаясь твердымъ и неуступчивымъ въ своихъ требованіяхъ, онъ въ то же время всюду выказывалъ милосердіе и готовность забыть старую вражду. Когда на другой день поль-

скій король просилъ его освободить изъ плѣна одного изъ близкихъ ему лицъ, Суворовъ съ полной готовностью выразилъ желаніе освободить не только одного, но цѣлыхъ пятьсотъ. Въ этотъ же день пятьсотъ польскихъ офицеровъ было отпущено изъ плѣна.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву.

Подвигъ Суворова вызвалъ всеобщее ликованіе въ Петербургѣ. Ударъ, нанесенный имъ непріятелю, былъ окончательный. Остатки Польши были раздѣлены затѣмъ между Россіей, Пруссіей и Австріей. Съ этихъ поръ Польша, когда-то могущественная и гордая, перестала существовать какъ самостоятельное государство.

Нечего и говорить, какими богатыми милостями былъ осыпанъ Суворовъ. Онъ былъ возведенъ въ генералъ-фельдмаршалы; ему было назначено въ полное и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній польскаго короля — Кобринскій Ключъ, гдѣ насчитывалось около семи тысячъ крестьянъ. Австрійскій императоръ прислалъ герою свой портретъ, осыпанный брилліантами, а король прусскій — орденъ Краснаго и Чернаго Орла. Жители Варшавы поднесли ему золотую табакерку съ надписью: „Варшава— своему избавителю“.

Изъ всѣхъ наградъ выше всего Суворовъ ставилъ чинъ фельдмаршала. Только два лица въ Россіи имѣли тогда этотъ чинъ: Разумовскій и Румянцевъ. Его радовало это еще и потому, что девять генераловъ, считавшихся старше его по службѣ, остались позади на служебной лѣстницѣ.

Замѣчательно, что странности, которыми всегда отличался Суворовъ, въ это время какъ будто еще усилились. Извѣстіе о возведеніи его въ чинъ фельдмаршала получилъ онъ въ присутствіи многочисленныхъ сановниковъ, собравшихся въ его варшавскую квартиру. Прочитавъ бумагу, Суворовъ велѣлъ своему слугѣ, Прошкѣ, сейчасъ же разставить вдоль залы 9 стульевъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга. Стулья эти должны были изображать собой тѣхъ генераловъ, которыхъ новый фельдмаршалъ обогналъ по службѣ. Присутствовавшіе были въ недоумѣніи и ждали, чѣмъ кончится вся эта исторія. Когда былъ поставленъ послѣдній стулъ, Прошка крикнулъ: „Готово, ваше сіятельство!“. Суворовъ подбѣжалъ къ первому стулу, перекрестился и прыгнулъ черезъ него, говоря: „Слава Богу, такого-то обошелъ!“ Прыгая черезъ слѣдующій стулъ, онъ

произносилъ фамилію другого генерала, отставшаго отъ него по службѣ. Такъ продолжалъ онъ прыгать черезъ каждый стулъ, пока не обошелъ всѣ девять.

— Вотъ какъ!..—закричалъ онъ, перескочивъ послѣдній стулъ:—всѣхъ обошелъ, никого не уронилъ и даже не задѣлъ! Помилуй Богъ, какъ это знатно!.. Милостива ко мнѣ, старику, наша матушка царица!

Быстрое повышеніе Суворова по службѣ прибавило ему еще больше враговъ и завистниковъ. А два генералъ-аншефа даже подали въ отставку.

УСТРОЙСТВО ПОЛЬШИ. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Послѣ взятія Варшавы, Суворовъ прожилъ въ Польшѣ еще цѣлый годъ, занимаясь устройствомъ потрясенной возстаніемъ страны. Много труда и силъ положилъ онъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Подъ его начальствомъ была восьмидесятитысячная армія, для которой почти невозможно было достать продовольствія въ разоренномъ краѣ. Въ то же время нужно было подумать и объ облегченіи положенія обѣднѣвшихъ жителей. Суворовъ всегда былъ на сторонѣ обездоленныхъ, несчастныхъ бѣдняковъ. Такъ, когда стали говорить, что съ жителей Варшавы нужно взять военную контрибуцію, Александръ Васильевичъ сильно воспротивился этому, говоря, что было бы большой несправедливостью брать контрибуцію съ тѣхъ, кто и безъ того еле-еле спискиваетъ себѣ пропитаніе. Воспротивился онъ также и безцѣльному перемѣщенію войскъ съ одного мѣста на другое, говоря, что зимой такія перемѣщенія и затруднительны и безполезны.

Къ заботамъ внутренняго устройства края присоединилась еще нелегкая обязанность по умиротворенію нашихъ союзниковъ по раздѣлу Польши—Пруссіи и Австріи. Всюду Суворовъ проявлялъ то дипломатическую тактичность, то кротость, милосердіе и ласковость; грозный на полѣ брани, — въ мирныхъ дѣлахъ онъ являлся защитникомъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, благодаря чему и оставилъ по себѣ благодарную память въ сердцахъ поляковъ.

Получивъ почти неограниченную власть по управленію цѣлымъ краемъ, достигнувъ высшаго служебнаго положенія, Суворовъ попрежнему бѣгалъ роскоши, предпочитая вести простой, суровый образъ жизни. Своихъ чудачествъ не оставлялъ онъ и тогда, когда являлся въ обществѣ важныхъ иностранныхъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ познакомиться съ покорителемъ Измаила и Варшавы.

Прошелъ годъ. Дѣла съ Польшей мало-по-малу улаживались. Суворовъ начиналъ уже скучать въ Варшавѣ. Къ тому же его все чаще и чаще безпокоили постоянныя интриги его недоброжелателей. Многое, о чемъ писалъ онъ въ Петербургъ, или вовсе не исполнялось, или исполнялось не такъ, какъ хотѣлъ Суворовъ. По устройству гражданской части въ краѣ онъ долженъ былъ во всемъ руководиться предписаніями изъ Петербурга, и очень часто являлся безсильнымъ въ исполненіи многочисленныхъ просьбъ, поступавшихъ къ нему со стороны мѣстныхъ жителей. Разсказываютъ, между прочимъ, про такой случай. Однажды собрались къ Суворову знатные сановники и стали просить его о какомъ-то дѣлѣ. Своею властію Суворовъ не могъ исполнить ихъ просьбы, и вотъ, чтобы показать свое безсиліе, онъ тутъ же поднялъ руку и подпрыгнулъ вверхъ, насколько могъ,

говоря: „Императрица вотъ какая большая!—Послѣ этого присѣлъ на корточки, пояснивъ:—А Суворовъ вотъ какой маленькій!“ Затѣмъ поклонился и вышелъ, не говоря ни слова.

Наконецъ, фельдмаршала вызвали въ Петербургъ. Императрица рѣшила въ это время вступить въ союзъ съ европейскими государствами, чтобы положить конецъ переворотамъ, начатымъ французской революціей. Кому же можно было поручить это трудное и отвѣтственное дѣло, какъ не Суворову, на котораго всѣ смотрѣли какъ на непобѣдимаго полководца?

Путешествіе Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ было настоящимъ тріумфомъ. Его всюду встрѣчали губернаторы, высшіе чиновники, войска; горожане подносили ему хлѣбъ-соль, народъ кричалъ въ честь него ура! Герой плакалъ, произнося постоянно: „Помилуй Богъ! Помилуй Богъ! Они меня уморятъ!“

Онъ всячески старался избѣжать пышныхъ встрѣчъ и проѣхать незамѣтно. Между прочимъ, интересный случай вышелъ подъ Гродно. Въ то время губернаторомъ тамъ былъ князь Рѣпнинъ. Онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ пышной встрѣчѣ Суворова. Когда все было готово, адъютантъ Рѣпнина выѣхалъ за городъ, чтобы уловить первый мигъ появленія дормеза*), въ которомъ ѣхалъ герой. Вдали что-то зачернѣлось; адъютантъ всматривается—мчится кибитка. Когда она поровнялась съ нимъ, онъ остановилъ ее и спросилъ у сидѣвшихъ на козлахъ:

— Не слышно ли тамъ, далеко ли ѣдетъ фельдмаршалъ Суворовъ?

— Кажись, что недалеко,—отвѣчалъ сидѣвшій на козлахъ.

*) Дормезъ—дорожный экипажъ.

— А вы-то кто? — спросилъ адъютантъ.

— Я—поваръ графа,—отвѣчалъ сидѣвшій на козлахъ. Кибитка помчалась дальше. Черезъ нѣсколько минутъ опять зачернѣлось что-то вдали. Адъютантъ всматривается—дормезъ! Въ это время подъѣзжаетъ къ нему адъютантъ Суворова и говоритъ:

— Прошу васъ довести до свѣдѣнія князя, что фельдмаршалъ проѣхалъ.

— Когда? въ чемъ?

— Сейчасъ въ кибиткѣ. А дормезъ ѣдетъ пустой.

— Быть не можетъ: графа тамъ не было, тамъ ѣхали его люди... я разговаривалъ съ его поваромъ.

— А видѣли ли вы, кто сидѣлъ за рогожею, которою была закрыта кибитка?

— Неужели тамъ сидѣлъ фельдмаршалъ?

— Да!

Такъ и пропали всѣ приготовленія Рѣпнина.

При въѣздѣ въ Петербургъ, Суворова встрѣтила придворная карета, которая и доставила его въ Зимній дворецъ. Императрица при свиданіи была очень милостива и очаровала растроганнаго героя своимъ вниманіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Между прочимъ, она подарила ему табакерку съ изображеніемъ Александра Македонскаго.

— Никому другому не приличествуетъ имѣть этотъ портретъ, кромѣ васъ, Александръ Васильевичъ: вы велики такъ же, какъ и этотъ герой древности,— говорила императрица, подавая Суворову драгоцѣнный подарокъ.

Для Суворова, по приказанію государыни, былъ отведенъ Таврическій дворецъ — прежнее мѣстопребываніе Потемкина. При этомъ приказано было узнать всѣ, даже незначительныя привычки Суворова въ

домашнемъ быту и, сообразно съ этимъ, устроить все необходимое въ Таврическомъ дворцѣ.

Подъѣзжая къ своей новой квартирѣ, Суворовъ промолвилъ:

— Давно ли здѣсь жилъ Потемкинъ, тотъ самый, который... подъ Очаковымъ... подъ Измаиломъ... а теперь пришлось мнѣ жить въ его дворцѣ — моя квартира: что за превратность судьбы, помилуй Богъ!

Сохранилось много разсказовъ про жизнь Суворова въ это время. Онъ не скупился на чудачества ни при какихъ условіяхъ, даже присутствіе императрицы не останавливало его отъ шутокъ.

Однажды на балу государыня спросила его:

— Александръ Васильевичъ! Чѣмъ могу васъ потчевать?

— Будь милостива, матушка-государыня, вели дать водочки!

— А красавицы что скажутъ, услыхавъ отъ васъ запахъ водки?

— Ничего, матушка! Онѣ увидятъ, что Суворовъ — солдатъ.

Въ другой разъ государыня замѣтила, что Суворовъ даже въ трескучіе морозы ѣздитъ безъ шубы. Она стала упрекать его, что онъ не бережетъ своего здоровья, и въ заключеніе подарила ему дорогую соболью шубу. Суворову хотѣлось исполнить волю государыни и въ то же время онъ не могъ разстаться съ своими привычками. Онъ сумѣлъ, однако, это сдѣлать почти безъ всякаго противорѣчія. Отправляясь во дворецъ, онъ бралъ съ собой камердинера, который долженъ былъ держать всю дорогу фельдмаршальскую шубу на рукахъ, и только тогда, когда приходилось выходить изъ кареты, Суворовъ надѣвалъ на себя шубу.

— Не смѣю ослушаться императрицы, — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ,— шуба со мной, а нѣжиться солдату не хорошо!

Живя въ великолѣпномъ Таврическомъ дворцѣ, онъ занималъ маленькую комнатку, спалъ на сѣнѣ и ѣлъ самую грубую солдатскую пищу.

Въ этотъ же пріѣздъ свой въ Петербургъ онъ отпраздновалъ свадьбу своей дочери, Суворочки, съ графомъ Николаемъ Зубовымъ, братомъ Платона Зубова, запявшаго по смерти Потемкина первое мѣсто при дворѣ.

Среди празднествъ и торжествъ, которыми особенно славился Петербургъ въ зиму 1795—96 г., Екатерина не разъ удалялась съ Суворовымъ въ кабинетъ, гдѣ подолгу бесѣдовала съ нимъ о предстоящемъ походѣ противъ Франціи.

Весною 1796 года Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тульчинъ (на Днѣстрѣ), гдѣ, приготовляясь къ походу, принялъ командованіе надъ войсками трехъ южныхъ губерній.

Жизнь въ Тульчинѣ проходила у него въ приготовленіяхъ къ походу и въ обученіи солдатъ Суворовскому строю.

Вотъ что разсказываютъ про жизнь Суворова въ Тульчинѣ.

„Просыпался онъ, обыкновенно, въ два часа ночи, окачивался холодной водой и обтирался простынею передъ каминомъ; потомъ пилъ чай и, призвавъ къ себѣ повара, заказывалъ ему обѣдъ изъ четырехъ или пяти кушаньевъ, которыя, обыкновенно, подавались въ маленькихъ горшечкахъ. Послѣ чая Александръ Васильевичъ занимался дѣлами и потомъ читалъ или писалъ на разныхъ языкахъ. Обѣдалъ въ 8 часовъ утра; отобѣдавъ, ложился

спать. Проснувшись,. училъ солдатъ. Въ 4 часа пополудни — вечерняя заря; послѣ зари, напившись чаю, отдавалъ приказанія правителю своей канцеляріи и, наконецъ, ложился спать въ 10 часовъ.

„Накапунѣ праздниковъ, въ домовой походной церкви всегда была всенощная, а въ самый праздникъ—обѣдня.

„По субботамъ войскамъ было общее ученіе и потомъ разводъ. Передъ разводомъ фельдмаршалъ говорилъ солдатамъ поученіе“.

Никогда еще Суворовъ не занимался обученіемъ войска съ такимъ рвеніемъ, какъ теперь. Со дня на день онъ ждалъ приказанія о выступленіи въ походъ. Но судьба рѣшила иначе: 6 ноября 1796 года внезапно скончалась императрица Екатерина II; на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ. Всѣ приготовленія къ войнѣ тотчасъ же были отмѣнены... Горько, неутѣшно плакалъ Суворовъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ императрицы. „Матушка царица! — говорилъ онъ при этомъ, — безъ нея не видать бы мнѣ ни Кинбурна, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы“.

ГЕРОЙ ВЪ НЕМИЛОСТИ.

Съ воцареніемъ императора Павла I, многое измѣнилось во всемъ строѣ государственной жизни, отъ самаго крупнаго до самаго мелкаго. Люди, занимавшіе при Екатеринѣ высшее положеніе, были удалены; наоборотъ, стали возвышаться тѣ, кто до этого времени почти не имѣлъ никакого значенія. Нововведенія коснулись и военнаго дѣла. Были измѣнены не только одежда и вооруженіе войскъ, но и самая команда, ученіе, даже раздѣленіе полковъ.

Не по душѣ пришлись Суворову новые порядки въ военномъ дѣлѣ, и онъ, какъ человѣкъ прямой и открытый, не могъ удержаться, чтобы не говорить

Императоръ Павелъ I.

объ этомъ откровенно при всякомъ случаѣ. Недоброжелатели его, конечно, поспѣшили этимъ воспользоваться и старались передавать императору слова Суворова въ извращенномъ видѣ. Суворова не разъ предупреждали о грозившей ему опасности, но онъ

не могъ измѣнить своихъ привычекъ и продолжалъ критиковать новые порядки.

— Матушка Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои причуды, и я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавою, а для новыхъ правилъ я уже старъ сталъ,— говорилъ Суворовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему указывали на неумѣстность его шутокъ.

Враги его, между тѣмъ, дѣлали свое дѣло и, наконецъ, достигли своего: сначала Суворову было повелѣно сдать командованіе Екатеринославскимъ корпусомъ Беклешеву, а затѣмъ онъ совершенно былъ удаленъ со службы. Ударъ былъ слишкомъ жестокъ, и нужно было имѣть суворовскую силу воли, чтобы перенести его стойко. Необыкновенно трогательно было прощаніе фельдмаршала съ своими чудо-богатырями. На Тульчинской площади былъ выстроенъ его любимый Фанагорійскій полкъ. Въ блестящемъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, увѣшанный орденами и знаками отличія, явился Суворовъ передъ полкомъ. „Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри!“— сказалъ онъ солдатамъ. Снявъ затѣмъ всѣ ордена и положивъ ихъ на барабанъ, онъ продолжалъ: „Оставляю здѣсь все, что я заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! Не пропадаетъ молитва за Богомъ, а служба за царемъ! Мы еще увидимся; мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!“ Солдаты плакали, слушая своего предводителя. Герой подозвалъ къ себѣ одного изъ нихъ, обнялъ его, зарыдалъ и побѣжалъ на свою квартиру. Черезъ часъ въ простой телѣжкѣ Суворовъ ѣхалъ въ Москву...

Но недолго пришлось ему прожить и въ Москвѣ. Скоро ему былъ объявленъ приказъ удалиться въ свое Кончанское имѣніе, гдѣ онъ провелъ дѣтскіе годы.

Вздрогнулъ старикъ, когда полицейскій чиновникъ объявилъ ему объ этомъ, но скоро оправился и спросилъ:

— Сколько времени дается мнѣ на сборы?

— Четыре часа, — отвѣчалъ тотъ.

— Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить турокъ, поляковъ сбирался я въ часъ!

Онъ взялъ подъ мышку небольшой ящикъ съ бумагами, накинулъ на себя старый свой плащъ, наскоро простился съ домашними и сказалъ чиновнику: „Я готовъ!“ Вышли на крыльцо. Суворовъ смотритъ — стоитъ дорожная карета? „Для чего мнѣ карета? И во дворецъ царскій я ѣзжалъ въ почтовой телѣжкѣ!“ — сказалъ онъ и воротился въ комнаты. Пришлось перемѣнить карету на телѣжку.

Въ Коншанскомъ герой Измаила и Варшавы принужденъ былъ поселиться въ полуразвалившемся господскомъ домѣ и жить одинокимъ, всѣми забытымъ. Господскій домъ оказался настолько ветхимъ и плохимъ, что съ наступленіемъ зимы фельдмаршалу пришлось перебраться въ простую крестьянскую избу, на краю села.

Всѣ эти невзгоды Александръ Васильевичъ переносилъ съ замѣчательной твердостью: ни жалобъ, ни ропота на судьбу отъ него никто не слыхалъ. Онъ былъ, какъ всегда, веселъ, спокоенъ, и, казалось, съ нимъ не произошло ничего особеннаго. Не измѣнилъ онъ и своихъ привычекъ. Вставалъ до свѣта, обливался холодной водой, пилъ чай, а на разсвѣтѣ отправлялся въ церковь, гдѣ стоялъ утреню и обѣдню, исполняя обязанности причетника. По праздникамъ послѣ службы заходилъ онъ къ священнику на завтракъ. Обѣдалъ, какъ и всегда, очень рано; послѣ обѣда ложился отдыхать, потомъ снова обливался водой и шелъ къ вечернѣ.

Церковь въ селѣ Коншанскомъ.

Съ крестьянами Суворовъ жилъ, какъ говорится, душа въ душу, помогая каждому, чѣмъ могъ. Однихъ онъ мирилъ, другимъ давалъ полезные совѣты, у третьихъ крестилъ ребятъ, у четвертыхъ пировалъ на

свадьбѣ, — словомъ, среди простого народа онъ былъ свой человѣкъ. Но особенною его любовію пользовались дѣти: въ будни онъ училъ ихъ грамотѣ и церковному пѣнію, а въ праздники игралъ съ ними въ бабки, бѣгалъ взапуски, прыгалъ какъ маленькій мальчикъ. И только вечеромъ отправлялся онъ къ себѣ, гдѣ иногда до утра проводилъ время за книгами и планами.

Суворовъ въ Коншанекомъ.

Но отсутствіе любимаго дѣла мало-по-малу давало себя чувствовать; герой начиналъ скучать и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Скоро скука стала переходить въ острую душевную боль; вмѣстѣ съ тѣмъ и физическое здоровье его замѣтно пошатнулось, онъ сдѣлался раздражителенъ и придирчивъ. Желая найти исходъ своимъ душевнымъ мукамъ, Суворовъ намѣревался даже поступить въ монастырь, о чемъ и послалъ прошеніе государю въ концѣ 1798 года.

Вотъ это прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Монархъ! В. И. В., всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ намѣренъ я окончить мои краткіе дни въ службѣ

Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый государь! Повергаю себя къ священнѣйшимъ стопамъ В. И. В.

Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ,
Графъ Суворовъ-Рымникскій".

Отвѣта, однако, на это прошеніе не послѣдовало. Зато скоро обстоятельства такъ измѣнились, что Суворову снова возвратили его прежнее положеніе при арміи.

ГЕРОЯ ВСПОМНИЛИ.

Какъ мы уже говорили, по смерти Екатерины II, императоръ Павелъ отмѣнилъ приготовленія къ войнѣ съ французами. Но военные успѣхи французовъ заставили встревожиться всю Европу. Противъ Франціи составился теперь союзъ изъ европейскихъ государствъ. Россія не могла оставаться въ сторонѣ и принуждена была примкнуть къ союзникамъ.

Союзъ составился изъ Англіи, Россіи, Австріи и Неаполя. При этомъ Англія, вступая въ союзъ, поставила условіемъ, чтобы предводителемъ союзныхъ войскъ былъ назначенъ Суворовъ; Австрія также присоединилась къ этому требованію. Тогда-то и призвали Суворова снова къ его чудо-богатырямъ.

Не поддается описанію радость великаго старца, которую онъ испытывалъ, когда въ началѣ 1799 года флигель-адъютантъ привезъ къ нему въ Кобшанское собственноручное письмо государя. Герой плакалъ отъ восторга, цѣловалъ письмо; затѣмъ побѣжалъ въ церковь и велѣлъ служить молебенъ. Послѣ молебна начались сборы въ дорогу. Какъ и всегда, сборы

были непродолжительны; приказанія были короткія и отдавались быстро. „Часъ собираться, другой отправляться, — распоряжался Суворовъ. — Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовить 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ".

Въ половинѣ февраля 1799 года Суворовъ былъ уже въ Петербургѣ. При пріемѣ государь былъ съ нимъ милостивъ и возложилъ на него крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Старецъ-герой былъ растроганъ до слезъ.

Пріѣздъ Суворова вызвалъ небывалое оживленіе во всемъ петербургскомъ обществѣ. На улицахъ толпы народа ожидали проѣзда фельдмаршала. Въ арміи назначеніе Суворова произвело магическое дѣйствіе, особенно въ тѣхъ полкахъ, которые должны были выступать за границу.

Самъ герой чувствовалъ себя обновленнымъ, помолодѣвшимъ. Шуткамъ и остротамъ его не было конца.

Милостивое отношеніе къ нему государя сдѣлало то, что даже недавніе враги Суворова искали теперь случая оказать ему свое вниманіе и были съ нимъ почтительны и любезны. Царедворцы съ ранняго утра тѣснились въ его пріемной.

Александръ Васильевичъ попрежнему не измѣнялъ своей привычки говорить всѣмъ правду, не смущаясь тѣмъ, какое дѣйствіе его слова и поступки произведутъ на другихъ. Такъ, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ встрѣтилъ во дворцѣ одного выскочку, который сталъ униженно раскланиваться съ фельдмаршаломъ. Суворовъ показалъ видъ, что не

замѣчаетъ поклоповъ и въ свою очередь усердно началъ клапяться придворному лакею.

— Вы не замѣчаете, что клапяетесь лакею! — сказалъ ему выскочка.

— Лакею, лакею! Помилуй Богъ! — вскричалъ Суворовъ. — Вотъ вы теперь знатный человѣкъ, и я знатный человѣкъ, а онъ, можетъ-быть, знатнѣе насъ будетъ. Надобно его задобрить!

Разсказываютъ еще такой случай. Къ Суворову пріѣхалъ знатный человѣкъ, не по заслугамъ выдвинувшійся впередъ.

— Куда мнѣ посадить такого великаго, такого знатнаго человѣка! — проговорилъ хозяинъ, встрѣчая важнаго гостя. — Прошка! Прошка! Давай скорѣй стульевъ сюда!

Когда стулья были принесены, Суворовъ поставилъ нѣсколько стульевъ одинъ на другой и, кланяясь, сталъ просить гостя садиться на верхній стулъ.

— Туда, туда, батюшка! Сидитесь выше всѣхъ, ну, а если свалитесь, не моя въ томъ вина.

Ближе другихъ сошелся Суворовъ въ этотъ пріѣздъ съ графомъ Растопчинымъ. Онъ цѣнилъ въ немъ обширный умъ и доброе, отзывчивое сердце. Герой часто бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ и въ этихъ бесѣдахъ открывалъ ему всѣ тайны души своей и все величіе своего гепія. Но и въ этихъ случаяхъ онъ не всегда могъ удержаться отъ обычныхъ своихъ шутокъ. Такъ, однажды, когда Растопчинъ, слушалъ Суворова съ напряженнымъ вниманіемъ, герой нашъ вдругъ остановился и запѣлъ *ку-ка-ре-ку*.

— Какъ это можно! — съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ.

— Поживи съ мое, запоешь и курицей! — смѣясь, отвѣчалъ ему Суворовъ.

Между тѣмъ, приближалось время отъѣзда Суворова за границу. Сборы, какъ и всегда, шли быстро. Наканунѣ отъѣзда фельдмаршала посѣтилъ любимецъ императора, Обольянинов'ъ, и засталъ его прыгающимъ черезъ чемоданы, разложенные посреди комнаты.

— Учусь прыгать, — сказалъ Суворовъ гостю, — вѣдь въ Италію-то прыгнуть — ой, ой! великъ прыжокъ, поучиться надобно!

СУВОРОВЪ ВЪ ВѢНѢ.

Въ простой почтовой телѣжкѣ выѣхалъ Суворовъ изъ Петербурга, направляясь къ австрійской границѣ. Здоровье его теперь было уже не то, что прежде; два раза въ день принужденъ онъ былъ останавливаться „для пищеваренія“.

Въ половинѣ марта герой былъ уже въ Вѣнѣ. Недалеко отъ австрійской столицы онъ догналъ корпусъ русскихъ войскъ.

— Здорово, ребята! Здорово, чудо-богатыри! — закричалъ Суворовъ, выскочивъ изъ телѣжки. — Вотъ, видите ли, я опять съ вами!

Восторженные крики ура и слезы умиленія были отвѣтомъ на слова Суворова.

Въ городъ въѣхалъ онъ вечеромъ и остановился у русскаго посла, графа Растопчина. На другой день утромъ Суворовъ уже представлялся австрійскому императору. Густыя толпы народа переполняли тѣ улицы Вѣны, по которымъ долженъ былъ проѣзжать русскій фельдмаршалъ. Всюду раздавались въ честь

его привѣтственные клики. Во дворцѣ Суворову былъ оказанъ блестящій пріемъ. Императоръ встрѣтилъ его съ почетомъ и послѣ продолжительной бесѣды пожаловалъ ему чинъ австрійскаго фельдмаршала.

Представители высшаго вѣнскаго общества искали случая видѣть Суворова и наперерывъ старались оказать ему знаки вниманія и уваженія, но герой избѣгалъ пышныхъ пріемовъ и торжественныхъ встрѣчъ. Ссылаясь на то, что стоялъ великій постъ, онъ отказался даже отъ придворнаго обѣда, даннаго по случаю возведенія его въ фельдмаршальскій чинъ. Онъ не хотѣлъ задерживаться въ Вѣнѣ, спѣша въ Италію, на театръ военныхъ дѣйствій противъ французовъ, успѣвшихъ занять уже Римъ и Неаполь.

Все-таки въ Вѣнѣ пришлось пробыть ему еще нѣсколько дней: австрійцы желали знать его планы и намѣренія. Суворовъ явился въ военный совѣтъ, и здѣсь самъ императоръ показывалъ ему планъ войны, утвержденный совѣтомъ. Разсмотрѣвъ внимательно представленный ему планъ, Суворовъ сказалъ въ заключеніе, что планъ этотъ никуда не годится, и что онъ имѣетъ свой, лучшій. „Покажите намъ,— сказалъ императоръ, — мы охотно согласимся съ мнѣніемъ столь опытнаго полководца“. Суворовъ подалъ чистый листъ бумаги, подписанный рукою государя Павла Петровича. Императоръ, увидя бланкетъ, воскликнулъ: „О! я согласенъ, планъ вашъ превосходенъ, и я охотно его подписываю“.

Но все это были лишь одни слова, на самомъ же дѣлѣ австрійцы вовсе не хотѣли предоставить Суворову полной свободы дѣйствій, желая воспользоваться лишь его опытомъ и знаніемъ военнаго дѣла. Въ особенности противъ русскаго полководца старался дѣйствовать австрійскій министръ Тугутъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны Суворовъ получилъ отъ императора Франца утвержденную военнымъ совѣтомъ инструкцію начальныхъ дѣйствій въ Италіи; хозяйственная часть арміи была передана въ вѣдѣніе австрійскаго генерала. Союзники объясняли это желаніемъ освободить Суворова отъ лишнихъ хлопотъ и не отвлекать его отъ военныхъ соображеній. Но для героя было ясно, что въ этомъ распоряженіи скрывались дѣйствія, направленныя противъ русскаго полководца. Это были первыя терніи на послѣднемъ пути Суворова къ вѣчной славѣ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ ИТАЛІИ.

При вступленіи Суворова въ Италію, населеніе всюду устраивало ему торжественныя встрѣчи. Особенно пышно и шумно встрѣтили его въ Веронѣ, куда онъ прибылъ въ началѣ апрѣля. Радостные клики многотысячной толпы привѣтствовали русскаго вождя при въѣздѣ его въ городъ. Несмотря на поздній вечеръ къ Суворову собрались многочисленные сановники, съ мѣстнымъ архіепископомъ во главѣ. Суворовъ всѣхъ благодарилъ за оказанныя ему почести. Послѣ иностранныхъ депутацій были приняты русскіе генералы, среди которыхъ нашлось не мало старыхъ знакомцевъ. Свиданіе было сердечное, трогательное.

На слѣдующее утро назначено было выступленіе войскъ, собравшихся въ Вероиѣ. Подъ начальствомъ Суворова здѣсь собралась 60-тысячная армія. Передній отрядъ былъ подъ начальствомъ князя Багратіона. Густыя толпы народа сопровождали выступавшія войска. Солдаты шли бойко, съ пѣснями; народъ всячески старался выказать свою благодар-

ность русскимъ и щедро раздавалъ солдатамъ вино, табакъ и хлѣбъ.

Французы быстро начали отступать, очищая занятые города и крѣпости. Этотъ успѣхъ въ самомъ началѣ еще болѣе воодушевлялъ союзныя войска. Слава Суворова росла съ каждымъ днемъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ на берегу рѣки Адды, за которой собирались отступавшіе французы. Со стороны французовъ была сдѣлана очень крупная ошибка: они растянули свои войска на значительномъ разстояніи и поэтому ослабили себя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ союзники предполагали перейти рѣку. Въ это время только что прибылъ новый французскій главнокомандующій, генералъ Моро. Но онъ не успѣлъ стянуть войска, вслѣдствіе чего союзники безъ особенныхъ усилій перешли Адду въ трехъ мѣстахъ, почти наголову разбивъ непріятеля и захвативъ до пяти тысячъ плѣнныхъ, знамя и 27 пушекъ. Между прочимъ, въ плѣнъ былъ взятъ французскій генералъ Серюрье со всѣмъ его отрядомъ.

Разсказываютъ, что когда плѣннаго Серюрье привели въ палатку къ Суворову, то послѣдній принялъ его очень привѣтливо и нѣсколько разъ повторялъ: „Радъ, радъ! помилуй Богъ, радъ! прошу садиться... пожалуйста, садитесь“. Затѣмъ Суворовъ спросилъ, не желаетъ ли онъ отвѣдать русскаго военнаго ужина, и приказалъ подать кусокъ ржанаго хлѣба, крѣпко посоленнаго. Серюрье изъ вѣжливости откусилъ кусокъ, но едва могъ его проглотить и попросилъ воды. Суворовъ подхватилъ: „Нѣтъ! квасу, подайте русскаго квасу!“ Когда квасъ былъ поданъ, Суворовъ продолжалъ: „Нетъ, братецъ, нетъ, помилуй Богъ, хорошо! Русскіе все хлѣбъ ѣдятъ и квасъ пьютъ, оттого они здоровы, сильны и смѣлы. Не правда ли?“

Остатки арміи Моро быстро отступали. Суворовъ, преслѣдуя ихъ, безпрепятственно вступилъ въ городъ Миланъ, только что оставленный французами.

Вступленіе союзниковъ въ Миланъ пришлось какъ разъ на первый день Пасхи. Встрѣча была торжественная. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ историковъ*): „Улицы, окна, балконы, крыши были набиты народомъ; отъ привѣтственныхъ криковъ стоялъ гулъ; всю ночь горѣла иллюминація, а на другой день торжество какъ бы поднялась еще на нѣсколько градусовъ. Суворовъ поѣхалъ на парадное молебствіе въ золотой каретѣ, между шпалерами войскъ; въ соборѣ встрѣтилъ его архіепископъ, а по выходѣ изъ собора онъ сдѣлался предметомъ народныхъ овацій: подъ ноги бросали ему цвѣты, ловили руки, цѣловали полу кафтана“.

Дальнѣйшій планъ дѣйствій у Суворова былъ такой: не теряя времени, преслѣдовать отступающихъ французовъ, не давать имъ опомниться и спѣшить очистить города и крѣпости, занятые непріятелемъ. О своемъ намѣреніи онъ написалъ въ Вѣну, но тамъ планъ его не одобрили и предписали ему другой образъ дѣйствія. Распоряженіе изъ Вѣны, однако, не застало Суворова въ Миланѣ: съ своими чудо-богатырями онъ двигался уже къ рѣкѣ По.

Всюду союзныя войска тѣснили французовъ; небольшія укрѣпленія и крѣпостцы одна за другой сдавались Суворову. Войска приближались къ Турину, бывшей столицѣ Сардинскаго королевства, служившей оплотомъ для французовъ.

Была средина мая, погода стояла невыносимо-жаркая. Войска двигались съ трудомъ. Самъ Суворовъ,

---

*) Петрушевскій. «А. В. Суворовъ».

привыкшій ко всякаго рода лишеніямъ, видимо, изнемогалъ подъ знойными лучами палящаго солнца. Онъ то ѣхалъ верхомъ на лошади, то садился въ карету, то удалялся впередъ и ложился гдѣ-нибудь подъ тѣнью дерева. Но вмѣстѣ съ тѣмъ старался пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы быть среди солдатъ и ободрять ихъ своимъ примѣромъ, разговорами, шутками. Въ одномъ мѣстѣ наши солдаты послѣ усиленнаго марша остановились на отдыхъ на берегу небольшой рѣчки. Доставъ сухари и ложки, они стали хлебать воду прямо изъ рѣчки. Суворовъ подошелъ къ завтракавшимъ.

— Здорово ребята! — крикнулъ онъ богатырямъ. — Что вы дѣлаете?

— Хлебаемъ итальянскій супъ, ваше сіятельство!

— Помилуй Богъ, какъ хорошо!—сказалъ Суворовъ, садясь между солдатами. Затѣмъ, взявъ ложку у одного изъ нихъ, онъ принялся самъ хлебать „итальянскій супъ“, приговаривая: — Славный супъ!.. Помилуй Богъ, славный!.. Вашъ фельдмаршалъ теперь сытъ. Ну, ребята, французы близко, одинъ переходъ, а у нихъ много напечено и нажарено всякой всячины... Все будетъ наше!..

Не доѣзжая до Турина, Суворовъ послалъ къ коменданту крѣпости предложеніе сдать городъ безъ боя. Комендантъ отказался и приказалъ осыпать союзниковъ бомбами. Тогда Суворовъ снова послалъ сказать коменданту, что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣлы будутъ выведены плѣнные и больные французы. За сдачу города стояли также и жители. Угрозы Суворова подѣйствовали, и Туринъ сдался.

Въѣздъ героя въ городъ поражалъ своею торжественностію. Католическій епископъ благословилъ его

по обряду православной Церкви. Вечеромъ былъ назначенъ парадный спектакль въ театрѣ. При входѣ Суворова, публика встала со своихъ мѣстъ и радостными кликами привѣтствовала героя. Сцена изображала храмъ Славы, съ бюстомъ фельдмаршала. Суворовъ былъ растроганъ до слезъ.

Вѣсть о занятіи Турина быстро долетѣла до Петербурга. Императоръ Павелъ въ собственноручномъ рескриптѣ писалъ Суворову:

„Графъ Александръ Васильевичъ!

„Въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига нечестовыхъ разорителей! а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите, Богъ съ вами! Пребываю къ вамъ благосклонный

Павелъ".

Чрезвычайные успѣхи и быстрыя побѣды Суворова въ Италіи привели французскую директорію въ смущеніе и она, не зная, что дѣлать, обѣщала тому, кто привезетъ голову Суворова, въ награду 2 милліона франковъ. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ привести къ себѣ плѣннаго француза и, отпуская его на свободу, сказалъ ему:

— Желаю тебѣ счастливаго пути домой, но прежде всего объяви отъ меня директоріи: сумма, назначенная за мою голову, велика; да у васъ и денегъ столько нѣтъ. Скажи своей директоріи, что я постараюсь самъ принести къ ней свою голову, да еще вмѣстѣ съ руками.

ДАЛЬНѢИШІЕ УСПѢХИ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОХОДА.

Слава Суворова гремѣла по всей Европѣ, но это не спасло его отъ интригъ и непріятностей, исходившихъ отъ вѣнскаго двора. Послѣ взятія Турина, австрійскій военный совѣтъ еще больше старался мѣшать герою блистательно докончить, начатое имъ дѣло. Теперь причиной непріязни со стороны австрійцевъ было слѣдующее обстоятельство. Исполняя волю императора Павла, Суворовъ всѣми силами старался возстановить Сардинское королевство, приглашая сардинскаго короля возвратиться въ Туринъ. Между тѣмъ, Австрія сама давно добиралась до Турина. Этимъ и объясняются всѣ тѣ препятствія, которыя ставились Суворову на каждомъ шагу. Такъ, изъ Вѣны было получено имъ уже вторичное напоминаніе, чтобы онъ ничего не предпринималъ по своему усмотрѣнію и во всемъ согласовался бы съ предписаніями отъ вѣнскаго двора. Кромѣ того, по проискамъ Тугута, австрійскіе генералы должны были тайно слѣдить за Суворовымъ и доносить въ Вѣну о каждомъ его шагѣ. Все это породило шпіонство, сплетни, раздоры, мѣшавшіе свободѣ дѣйствій фельдмаршала и тормазившіе самое дѣло. Суворовъ живо чувствовалъ всю тяжесть и несправедливость подобнаго положенія, скорбѣлъ душою, но не падалъ духомъ, и чисто *по-суворовски* переносилъ эти невзгоды, нанося французамъ одно пораженіе за другимъ.

Слѣдующее славное дѣло было на берегахъ рѣки Требіи. Упорная битва продолжалась здѣсь въ теченіе трехъ дней. Подъ начальствомъ Макдональда фран-

цузы соединили здѣсь большую часть своихъ войскъ. Успѣху дѣла много мѣшала нестерпимая жара, стоявшая все время. Люди падали и задыхались подъ палящими лучами солнца. Безъ мундира, въ одной рубашкѣ Суворовъ три дня не сходилъ съ лошади, всюду являясь тамъ, гдѣ нужно было воодушевить солдатъ, поднять упавшій духъ, вдохнуть новыя силы. Тяжело раненый, Магдональдъ не могъ сидѣть на лошади, его носили въ качалкѣ. За три дня французы потеряли шесть тысячъ убитыми и двѣнадцать тысячъ взятыми въ плѣнъ. Суворовъ и Магдональдъ хотѣли сражаться и на четвертый день, но ужасныя потери французовъ заставили ихъ отступить къ рѣкѣ Нурѣ, гдѣ они были охвачены съ трехъ сторонъ союзными войсками, и почти всѣ разсѣялись или попали въ плѣнъ. Побѣда эта была тѣмъ болѣе знаменательна, что Магдональдъ по стойкости и храбрости являлся вполнѣ достойнымъ соперникомъ Суворова.

Въ это же время другая часть французской арміи, подъ начальствомъ Моро, шедшая на помощь Магдональду, узнавъ о пораженіи послѣдняго, поспѣшила отступить въ горы. Почти одновременно съ этимъ союзники заняли Александрію и Мантуа, одну изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей въ Европѣ. Побѣдителямъ досталось 675 орудій. Нечего и говорить, съ какою радостью извѣстіе о неслыханныхъ подвигахъ Суворова было встрѣчено въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Павелъ пожаловалъ Суворову княжеское достоинство, съ прозваніемъ „Италійскаго“. При благодарственномъ молебнѣ, по повелѣнію государя, провозглашено было многолѣтіе „высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому“. Король Сардиніи прислалъ герою свои орлена и дипломъ

на княжеское достоинство, съ титуломъ своего *двоюроднаго брата*. Въ Англіи на всѣхъ торжественныхъ праздникахъ пили за здоровье Суворова, а поэты сочиняли стихи въ честь непобѣдимаго русскаго полководца. Графъ Растопчинъ писалъ Суворову изъ Петербурга:

„Воинъ непобѣдимый! Герои любятъ истину; вотъ она: вами славится Россія и избавляется Европа. *Горжусь, что я землякъ вашъ!*“

Во Франціи въ это же время, наоборотъ, побѣды Суворова порождали всеобщую печаль и негодованіе. Наполеонъ Бонапарте, воевавшій въ это время въ Египтѣ, на берегахъ Нила, всѣмъ своимъ существомъ рвался въ Италію, чтобы сразиться съ непобѣдимымъ вождемъ, „пожравшимъ его побѣды“. „Безумцы! — восклицалъ Наполеонъ,—они погубили всѣ мои побѣды! Суворовъ уничтожилъ въ одинъ походъ годы трудовъ моихъ!“

Правители Франціи рѣшили смѣнить главнокомандующаго своихъ войскъ. На мѣсто Моро былъ назначенъ Жуберъ. Это былъ едва ли не самый молодой изъ всѣхъ французскихъ генераловъ, но уже успѣвшій обратить на себя всеобщее вниманіе своею храбростію и военными познаніями. Подъ начальствомъ Наполеона онъ уже сражался на поляхъ Италіи и послѣ одной битвы получилъ такую аттестацію отъ Наполеона: „Жуберъ показалъ себя гренадеромъ по храбрости и великимъ генераломъ по военнымъ знаніямъ“. Узнавъ о назначеніи Жубера, Суворовъ замѣтилъ. „А! видно, что Жуберъ — молодой человѣкъ, пріѣхалъ къ намъ поучиться. Дадимъ ему урокъ.“

Силы Жубера равнялись пятидесяти тысячамъ человѣкъ. Съ ними онъ занялъ очень выгодную позицію

близъ городка Нови, расположившись по склону горъ, уступами спускавшихся къ городу. Подъ начальствомъ Суворова войска было нѣсколько больше, но зато позиція его была менѣе выгодна. Такимъ образомъ, силы противниковъ уравновѣшивались.

Вечеромъ третьяго августа противники были уже въ виду другъ у друга, но битвы не начали. Спустилась тихая теплая ночь, послѣдняя для многихъ тысячъ воиновъ и для самого Жубера.

Суворовъ рѣшилъ начать битву съ первыми лучами солнца, и вотъ, едва только занялась заря, какъ послышалась перестрѣлка, спачала рѣдкая, но постепенно усиливавшаяся. Къ четыремъ часамъ утра битва была въ полномъ разгарѣ, союзники успѣли уже овладѣть частію высотъ. Жуберъ, видя опасность, бросился въ ряды сражающихся, желая собственнымъ примѣромъ ободрить солдатъ, но роковая пуля сразила неустрашимаго французскаго полководца. Жуберъ упалъ съ лошади, послѣдними его словами было: „Товарищи, впередъ, впередъ!“ Начальство надъ войсками тотчасъ же принялъ опять Моро. Смерть Жубера, любимаго генерала во Франціи, удвоила силы французовъ, и они дрались какъ львы, занимая почти неприступную позицію. Между тѣмъ, день начиналъ разгораться, жара усиливалась и союзникамъ приходилось все труднѣе и труднѣе. Во многихъ мѣстахъ они начинали уже колебаться, но появленіе Суворова дѣйствовало магически на солдатъ, возстановляя ихъ силы. То тамъ, то здѣсь раздавалась команда фельдмаршала. — „Друзья-богатыри! Не задерживайся! Впередъ! — слышалось въ одномъ мѣстѣ. — Дѣти! Ура! Бей штыкомъ! Катай! Съ нами Богъ!“ — раздавалось въ другомъ концѣ.

Къ вечеру побѣда явно склонилась на сторону союзниковъ. Французы были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Имъ приходилось теперь думать лишь объ отступленіи. Это было дѣло не легкое: горы мѣшали быстрому и свободному движенію. Приходилось или сдаваться цѣлыми отрядами, или падать подъ градомъ пуль и картечи. Съ обѣихъ сторонъ потери были значительныя: французы потеряли убитыми и взятыми въ плѣнъ до пятнадцати тысячъ, у союзниковъ было убито и ранено до восьми тысячъ человѣкъ.

Наступившая ночь была истиннымъ благодѣяніемъ для измученныхъ воиновъ. Усталые и обезсиленные расположились они на ночлегъ; скоро мирный сонъ сковалъ отяжелѣлыя очи храбрыхъ бойцовъ.

Дѣло при Нови превзошло своими трудностями всѣ предыдущіе подвиги Суворова, онъ самъ потомъ говорилъ, что болѣе жестокаго сраженія ему не приходилось еще видѣть. А онъ ли не видалъ ужасовъ войны!

Снова почести и награды полились на Суворова. „Не знаю кому пріятнѣе, — писалъ государь Александру Васильевичу, — вамъ ли побѣждать или мнѣ награждать васъ, хотя мы оба исполняемъ свое дѣло, я, какъ государь, вы, какъ полководецъ, но я уже не знаю, что вамъ дать: вы поставили себя выше всякихъ наградъ“.

Однако, награда нашлась: государь повелѣлъ отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, даже въ присутствіи самого императора, такія же воинскія почести, какія отдаются особѣ государя. „Достойному достойное!“ — писалъ при этомъ Павелъ Петровичъ. Въ Англіи въ честь Суворова выбили медаль. Римскіе кардиналы прислали къ нему особую депутацію и просили его быть покровителемъ сто-

лицы папъ. „Цѣлую руку великаго человѣка“,—писалъ Суворову Растопчинъ.

Побѣда при Нови, вознесшая русскаго полководца на вершину славы, была послѣднимъ дѣломъ его въ Италіи. Вѣнскій дворъ усилилъ свои интриги и, вмѣсто благодарности, ставилъ Суворову одну преграду за другой, стараясь дѣйствовать на его самолюбіе, нерѣдко посылая ему оскорбительныя предписанія. Великій старецъ страдалъ и просилъ своего государя скорѣе отозвать его обратно въ Россію. Павелъ Петровичъ въ письмахъ старался утѣшить Суворова и совѣтовалъ не придавать значенія неблагодарности и зависти союзниковъ.

Суворовъ мечталъ уже двинуться въ Гепую, когда совершенно неожиданно былъ полученъ изъ Вѣны приказъ сдать начальство надъ австрійскими войсками другому лицу, а самому съ остатками русскаго войска итти въ Швейцарію. Происками и хитростію австрійцы успѣли склонить на сторону своихъ распоряженій и императора Павла. Суворову оставалось лишь повиноваться состоявшемуся рѣшенію, хотя обида была слишкомъ велика и нестерпимою болью отзывалась въ сердцѣ героя.

Четыре мѣсяца пробылъ Суворовъ въ Италіи, и вотъ результаты этого безпримѣрнаго похода: выиграно десять большихъ сраженій, взято двадцать пять крѣпостей, около трехъ тысячъ пушекъ, двѣсти тысячъ ружей и около восьмидесяти тысячъ плѣнныхъ. Неблагодарная Австрія хорошо видѣла теперь, что все уже сдѣлано для освобожденія Италіи и поспѣшила удалить Суворова въ Швейцарію. Фельдмаршалъ нашелъ въ себѣ силу бодро выполнить отданный ему приказъ; любезно и даже дружески простился онъ съ союзниками. „Никогда не забуду

я австрійскихъ воиновъ, почтившихъ меня любовію и довѣренностію и подвигами своими содѣлавшихъ меня побѣдителемъ“, — писалъ онъ въ послѣднемъ своемъ приказѣ.

ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ СУВОРОВА.

Итальянскій походъ, сдѣлавшій Суворова всесвѣтною знаменитостью, былъ не послѣднимъ его подвигомъ. Ему суждено было свершить еще одно великое дѣло, обезсмертившее имя его среди героевъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. До сихъ поръ великій человѣкъ боролся съ людьми и выходилъ побѣдителемъ, теперь предстояло ему вступить въ борьбу съ самою природою — грозною, могучею. Суворову предстояло перейти черезъ высочайшія горы Европы — Альпы. И здѣсь герой вышелъ побѣдителемъ: природа не сломила его стойкой натуры, — онъ довелъ начатое дѣло до конца, удививъ міръ безпримѣрнымъ подвигомъ.

Стояла дождливая осень, когда фельдмаршалъ съ двадцатитысячнымъ отрядомъ своихъ чудо-богатырей вступилъ въ Швейцарію. Для перехода можно было выбрать нѣсколько горныхъ дорогъ; Суворовъ довѣрился австрійцамъ и выбралъ наиболѣе трудную изъ нихъ. Отрядъ двинулся налегкѣ, такъ какъ весь тяжелый обозъ и артиллерія были отправлены другимъ путемъ. Съ каждымъ шагомъ дорога шла все выше и выше, итти было все труднѣе. Въ небольшомъ городкѣ Таверпѣ австрійцы обѣщались припасти Суворову для легкой артиллеріи и провіанта болѣе тысячи муловъ, но не исполнили своего обѣщанія. Эта небрежность, вѣрнѣе — вѣроломство,

привело Суворова въ негодованіе. Пришлось употребить цѣлыхъ пять дней, чтобы нанять муловъ, уговориться съ погонщиками и приспособить подъ вьюки часть строевыхъ лошадей, совершенно непригодныхъ для такого рода службы. Трудность похода въ горахъ увеличивалась еще тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ французы занимали позиціи одну крѣпче другой. Приходилось быть всегда настороже и каждый шагъ брать съ бою.

Непривѣтливо и сурово смотрѣла на двигающійся русскій отрядъ высочайшая гора Сенъ-Готардъ; увѣнчанныя снѣгомъ вершины ея уходили подъ небеса. Суворовъ ѣхалъ среди войска на маленькой казачьей лошади; на немъ была широкополая шляпа и суконный плащъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы воодушевить войско и ободрить падавшихъ духомъ солдатъ.

„Вотъ тамъ, въ горахъ, — говорилъ онъ, — засѣли французы; мы будемъ бить ихъ по-русски!.. Пусть горы высоки, пусть тамъ пропасти, водотоки, но мы ихъ перейдемъ, перелетимъ! Мы русскіе!.. Насъ ведетъ самъ Богъ! Когда взберемся на горы, стрѣлкамъ стрѣлять по головамъ врага... Стрѣляй рѣдко да мѣтко!.. А прочіе дѣйствуй шибко, вразсыпную! Бери въ штыки, бей, коли, гони, не давай отдыху! Просящимъ пощада, грѣхъ напрасно убивать!“

Воодушевлять солдатъ приходилось все чаще и чаще, такъ какъ дикая горная природа дѣйствовала на нихъ угнетающе. „Зрѣлище невиданныхъ дотолѣ горъ съ ихъ льдами, водопадами, пропастями, пустынями, — пишетъ историкъ, — при недостаткѣ запасовъ; утомленіе, уныніе и мысль, что черезъ эти горы нужно проходить и сражаться съ непріятелемъ, поражающимъ изъ-за каменьевъ и засадъ, гдѣ каждый вы-

Путь Суворова черезъ Альпы.

стрѣлъ смертеленъ, — это зрѣлище ужаснуло безстрашныхъ воиновъ Суворова. Солдаты роптали. Нѣкоторые изъ полковъ осмѣлились даже не слушаться начальниковъ".

— Что онъ дѣлаетъ съ нами! — говорили солдаты.

— Онъ изъ ума выжилъ! Куда онъ насъ завелъ!

Начинавшееся волненіе Суворовъ прекратилъ быстро. Выстроивъ недовольные полки, онъ велѣлъ рыть въ виду ихъ могилу. Когда все было готово, неустрашимый полководецъ обратился къ ослушникамъ съ такою рѣчью:

— Вы безславите мои сѣдины, — говорилъ онъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, — я водилъ къ побѣдѣ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои, я не отецъ вамъ!Ройте мнѣ могилу! положите меня въ могилу! Я не переживу моего стыда и вашего позора!

Съ этими словами онъ побѣжалъ къ могилѣ. Солдаты заплакали.

— Отецъ нашъ! веди насъ, веди — умремъ съ тобою! — раздавалось въ ихъ рядахъ. Толпою бросались они къ Суворову, падали на колѣни, цѣловали его руки и клялись умереть съ нимъ. И никакія опасности, никакіе ужасы горной войны не извлекли потомъ ни одного слова недовольства изъ груди чудо-богатырей.

Первая стычка съ французами произошла у подошвы С.-Готарда, затѣмъ схватки продолжались все время, пока Суворовъ не достигъ вершины. Войска были раздѣлены на три колонны, каждая изъ нихъ должна была дѣйствовать по намѣченному плану и выбивать непріятеля изъ его позиціи. Непріятель оборонялся отчаянно; одна атака слѣдовала за другою; наконецъ, отрядъ Багратіона выбилъ не-

пріятеля изъ его самыхъ верхнихъ позицій, и вершина С.-Готарда была въ рукахъ русскихъ. Разсказываютъ, что здѣсь Суворовъ посѣтилъ древній ка-

— Ройте мнѣ могилу! положите меня въ могилу!

толическій монастырь, гдѣ долго бесѣдовалъ съ престарѣлымъ настоятелемъ, который въ заключеніе благословилъ русскаго вождя.

Достигнувъ съ неимовѣрными усиліями вершины С.-Готарда, русскіе совершили лишь меньшую поло-

вину дѣла; главныя трудности были еще впереди. Приходилось спускаться внизъ по рѣкѣ Рейсѣ. Въ одномъ мѣстѣ дорога представляла собою, на разстояніи 80 шаговъ, узкій, шириною въ 4 шага, темный проходъ, пробитый въ горѣ: затѣмъ она извивалась узкой тропинкой по отвѣсному скату гигантской скалы и круто сбѣгала къ мосту. Уже нѣсколько дней дождь лилъ, какъ изъ ведра. Темныя ночи смѣнялись пасмурными туманными днями. Сѣверный холодный вѣтеръ тоскливо завывалъ въ узкихъ ущельяхъ горъ. Глубокая тишина царила въ рядахъ двигавшагося войска; слышались только сдержаные вздохи, когда несчастный солдатикъ, поскользнувшись или выбившись изъ силъ, падалъ на крутомъ скатѣ и исчезалъ въ бездонной пропасти.

Но вотъ войска подошли къ проходу и тутъ только увидали, что воспользоваться имъ не было никакой возможности, такъ какъ по другую сторону расположились французы, ни одинъ выстрѣлъ которыхъ не могъ пропасть теперь даромъ. Пришлось искать обходнаго пути, справа — по горамъ, слѣва — въ бродъ, черезъ быструю горную рѣку. Маневръ удался превосходно: по-поясъ въ ледяной водѣ, по загроможденному камнями руслу рѣки *суворовцы* быстро перебрались на противоположный берегъ и ударили въ штыки. Изумленные французы принуждены были поспѣшно отступить за рѣку. Уходя, они разрушили знаменитый Чортовъ мостъ, перекинутый черезъ страшную пропасть съ отвѣсными стѣнами. Но и это не задержало русскихъ. Быстро разобрали суворовцы ближайшій сарай; явились доски, бревна; офицерскіе шарфы пошли на связку отдѣльныхъ частей, и вотъ — мостъ готовъ. Съ большими предосторожностями перебрались чудо-богатыри на другую сторону

Переходъ черезъ Чортовъ мостъ.

пропасти и безпрепятственно направились къ городу Альторфу.

Отсюда Суворову съ войскомъ приходилось или плыть по Цюрихскому озеру, находившемуся въ рукахъ французовъ, или пробираться по узкой тропинкѣ, по которой съ трудомъ могли ходить лишь опытные швейцарскіе охотники. Довѣрившись австрійцамъ, Суворовъ не предполагалъ, что ему предстоитъ такой трудный, почти невозможный путь, но выбора не было,—пришлось пуститься опаснымъ путемъ, по узкой тропинкѣ. Солдаты были измучены до крайней степени, провіантъ почти весь былъ истребленъ, обувь изорвана, патроны истрачены, медлить уже было нельзя: нужно было спѣшить, чтобы во-время соединиться съ союзными войсками, которыя находились въ Швейцаріи, подъ начальствомъ Готца и Корсакова.

Рано утромъ войска двинулись въ путь. Дорога была невыразимо трудная. Взбираясь со ступеньки на ступеньку, солдаты принуждены были итти въ одиночку, рискуя каждый моментъ оступиться и изчезнуть въ пропасти. На привалахъ измученные люди находили лишь одинъ голый камень, нельзя даже было развести огня, чтобы хотя нѣсколько отогрѣть свои окоченѣлые члены. Эти мученія пришлось переживать въ продолженіе 12 часовъ, пока войска не достигли Мутена *), сдѣлавъ за это время 16 верстъ.

Въ Мутенѣ Суворова ждало новое разочарованіе: его увѣдомили, что отрядъ Корсакова и Готца разбитъ французами. Положеніе было отчаянное. Славный полководецъ съ горстью войска былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Онъ просилъ помощи у эрцгерцога Карла, но ему отказали. Всѣми покину-

*) Мутенъ—швейцарская деревня.

тый, вдали отъ родины, среди неописуемыхъ бѣдствій, Суворовъ думалъ теперь лишь о спасеніи русской арміи. 18 сентября онъ собралъ военный совѣтъ и предъ нимъ „излилъ свою изстрадавшуюся душу“. Перечисливъ всѣ затрудненія и бѣдствія швейцарскаго похода, напомнивъ о вѣроломствѣ австрійцевъ, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Помощи ждать намъ неоткуда, одна надежда на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, нами предводимыхъ!

— Какія бы бѣды впереди ни грозили намъ, — отвѣчали растроганные словами фельдмаршала генералы, — какія бы несчастія ни обрушились, войска вынесутъ все, не посрамятъ русскаго имени; а если не суждено имъ будетъ одолѣть, они лягутъ со славою!

Чтобы скрыть отъ войска тревожное состояніе духа и казаться какъ можно спокойнѣе, Суворовъ приказывалъ подавать себѣ шкатулку съ орденами и другими знаками отличія; раскладывалъ ихъ передъ собой, любовался ими, приговаривая: „Вотъ это за Очаковъ! это за Прагу“ и т. д.

Провидѣніе, однако, хранило своего избранника: Суворову не только удалось проложить себѣ дорогу, но и разбить наголову французскій десятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Массены. Пораженіе французовъ было настолько тяжелое, что они въ паническомъ страхѣ бѣжали съ поля битвы, оставивъ намъ весь свой лагерь. Русскіе свободно двигались теперь къ Гларису, гдѣ солдаты, послѣ цѣлаго ряда испытаній и лишеній, получили, наконецъ, возможность подкрѣпить свои силы пшеничными сухарями и сыромъ.

Совершивъ еще одинъ очень трудный переходъ черезъ горный кряжъ, армія Суворова соединилась,

наконецъ, съ остатками корпуса Корсакова и расположилась бивуакомъ въ долинѣ между рѣками Иллеромъ и Леромъ.

Отсюда славный герой писалъ императору Павлу:

„Подвиги русскихъ на сушѣ и на морѣ надлежало увѣнчать подвигами на громадахъ недоступныхъ горъ. Оставляя за собою въ Италіи славу избавителей и сожалѣніе освобожденныхъ нами народовъ, мы перешли цѣпи швейцарскихъ горныхъ стремнинъ. Въ семъ царствѣ ужаса на каждомъ шагу зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ отверстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершины горъ огромныя льдины и камни. С.-Готардъ — колоссъ, ниже вершины коего носятся тучи, — все было преодолѣно нами, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ передъ нами непріятель... Русскіе перешли снѣжную вершину Бинтнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны... Словъ не достаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди коихъ хранила насъ десница Провидѣнія“.

„Всюду и всегда побѣждали вы враговъ, — писалъ въ отвѣтъ Суворову государь, — и вамъ не доставало одной славы—побѣдить природу. Ставя васъ на высшую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ“.

Пожаловавъ героя званіемъ генералиссимуса, Павелъ I тогда же повелѣлъ воздвигнуть ему памятникъ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военной коллегіи было повелѣно списываться съ Суворовымъ не „указами“, а „сообщеніями“. Вмѣстѣ съ этимъ государь рѣшилъ разойтись съ коварными союзниками. Войска Суворова должны были возвратиться въ Россію.

Такъ кончился этотъ героическій походъ Суворова, поставившій имя его на недосягаемую высоту славы и величія. Нѣтъ нужды, что герой „не достигъ той

Памятникъ Суворову въ Швейцаріи.

цѣли, которая имѣлась въ виду при его отправленіи на театръ войны, но онъ достигъ *кое-чего даже большаго.* Обстоятельства такъ сложились, что онъ *долженъ былъ погибнуть* вмѣстѣ *со всею русскою арміею;* а между тѣмъ, онъ спасъ ее при обстоятельствахъ

совершенно безнадежныхъ, — спасъ именно, какъ армію *непобѣдимую* во все время этой *безпримѣрно-бѣдственной* и *безпримѣрно же славной кампаніи!..* Это—*вѣнецъ* его военнаго дарованія, блестящее подтвержденіе всей его военной теоріи" *).

Почти черезъ сто лѣтъ, въ 1898 году, Суворову поставленъ въ Швейцаріи памятникъ.

За свое вѣроломство австрійцы были жестоко наказаны: не прошло и года послѣ описанныхъ событій, какъ французы окончательно разбили Австрію, которая сразу лишилась всѣхъ завоеваній великаго Суворова.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ, БОЛѢЗНЬ, ОПАЛА И СМЕРТЬ.

Медленно возвращался Суворовъ въ Россію. Его задерживали на пути дипломатическіе переговоры съ союзниками, которые хотѣли снова вернуть героя на поле битвъ. Но всѣ эти предположенія и планы не привели ни къ чему, они задерживали лишь героя, стремившагося на родину. Особенно продолжительно было пребываніе Суворова въ Прагѣ (въ Богеміи). Здѣсь провелъ онъ рождественскіе праздники. Какъ бы предчувствуя близкій свой конецъ, великій старецъ особенно шумно и весело провелъ эти послѣднія въ своей жизни святки. Каждый день домъ его наполнялся множествомъ гостей, которые, заражаясь шутками и причудами хозяина, веселились до упаду.

Курфюрстъ Саксонскій прислалъ въ Прагу своего живописца, чтобы снять съ Суворова портретъ для Дрезденской галлереи.

---

*) Песковскій. «А. В. Суворовъ».

— Ваша кисть, — сказалъ живописцу Суворовъ, — изобразитъ черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человѣкъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго; въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моею рукою ни одного насѣкомаго; бывалъ малъ, бывалъ и великъ.

Эти слова прекрасно характеризуютъ намъ Суворова, какъ *военнаго героя*, въ которомъ не было и тѣни жестокости.

Въ Прагѣ же генералиссимусъ сдалъ Розенбергу начальство надъ войсками. Трогательно прощался Суворовъ съ своими чудо-богатырями. Они какъ будто чувствовали, что видятъ своего кумира въ послѣдній разъ. „Старые, сѣдые солдаты, сподвижники славныхъ дѣлъ великаго полководца, рыдали, какъ дѣти, цѣлуя полы мундира того, кого они привыкли считать своимъ отцомъ“. Больше, чѣмъ когда-либо, удручали теперь Александра Васильевича душевныя муки отъ горькаго сознанія, что его послѣдній походъ, стоившій такихъ лишеній и жертвъ, окончился такъ неожиданно.

Въ началѣ января 1800 года оставилъ Суворовъ Прагу. Предшествовавшіе труды и душевныя муки сломили, наконецъ, могучую натуру героя: передъ Краковымъ онъ почувствовалъ себя уже настолько нехорошо, что принужденъ былъ остановиться въ этомъ городѣ на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы отдохнуть. Въ Кобринѣ Суворовъ слегъ окончательно.

Вѣсть о болѣзни полководца быстро долетѣла до Петербурга. Государь прислалъ къ нему своего лейбъ-медика, но больной не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ. „Мнѣ надобны деревенская изба,

молитва, баня, кашица да квасъ", — говорилъ онъ, когда ему предлагали серіозно запяться лѣченіемъ. Болѣзнь свою называлъ онъ *фликтеной*. Она выражалась тѣмъ, что все тѣло больного, съ головы до ногъ, было покрыто сыпью и нарывами, руки и ноги пухли.

Курьеръ за курьеромъ летѣли изъ Петербурга, привозя больному извѣстія о царскихъ милостяхъ. „Вотъ это вылѣчитъ меня лучше, чѣмъ Иванъ Ивановичъ Вейкартъ!" — говорилъ Суворовъ.

Къ концу великаго поста больной почувствовалъ себя лучше. Онъ могъ ходить теперь каждый день въ церковь, разумѣется, въ сопровожденіи врача, пѣть на клиросѣ, читать Апостолъ, класть земные поклоны. Погода стояла еще холодная; слѣдуя всегдашней своей привычкѣ, Суворовъ выходилъ налегкѣ, а на всѣ увѣщанія доктора одѣваться потеплѣе возражалъ:

— Я солдатъ!

— Вы генералиссимусъ! — замѣчалъ ему докторъ.

— Такъ, да солдатъ-то съ меня примѣръ долженъ брать.

Свѣтлое Христово Воскресеніе встрѣтилъ Суворовъ въ Ригѣ, куда доѣхалъ съ большимъ трудомъ. Здѣсь силы снова оставили больного, и онъ могъ двигаться лишь съ большимъ трудомъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него теперь была мысль, что онъ скоро будетъ въ Петербургѣ, куда онъ стремился всей душой. „Дайте, дайте мнѣ только увидѣть государя!" говорилъ онъ, когда ему разсказывали, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ его въ столицѣ.

Императоръ, между тѣмъ, придумывалъ ему почести одну торжественнѣй другой: для пребыванія Суворова готовились комнаты въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ его долженъ былъ встрѣтить флигель-адъ-

ютантъ съ письмомъ отъ государя; придворныя кареты должны были выѣхать въ Нарву. Войскамъ приказано было выстроиться шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы и далеко за заставою столицы. Они должны были встрѣтить генералиссимуса барабаннымъ боемъ, криками „ура“, пушечною пальбою, при колокольномъ звонѣ. Вечеромъ была назначена иллюминація всей столицы.

Всѣ эти вѣсти ободряюще дѣйствовали на больного и давали ему силу двигаться впередъ. Но вдругъ обстоятельства совершенно измѣнились: Суворовъ впалъ въ немилость государя. До сихъ поръ исторія еще не выяснила, что послужило причиной этой немилости. Во всякомъ случаѣ, одно можно утверждать съ достовѣрностью, что серіозныхъ причинъ къ этому не было.

Героя обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что въ Италіи онъ имѣлъ при себѣ, вопреки устава, дежурнаго генерала. Но это было такое мелкое обвиненіе въ сравненіи съ величайшими заслугами Александра Васильевича, что само по себѣ едва ли могло служить причиной столь явной и жестокой несправедливости къ славному герою. Вѣрнѣе всего, причина измѣнившихся отношеній лежала въ неровности и страшности характера самого императора Павла Петровича.

Извѣстіе объ опалѣ и о томъ, что всѣ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ отмѣнены, какъ громомъ поразило Суворова. Обезсиленный организмъ его не могъ вынести этого потрясенія, и герой окончательно слегъ, чтобы уже больше не вставать.

Тихо подвигался дормезъ, въ которомъ на перинахъ везли въ Петербургъ умирающаго Суворова. Едва двигаясь, герой находилъ еще въ себѣ силу,

чтобы шутить: „Охъ! что-то устарѣлъ я!“—говорилъ онъ слабѣющимъ голосомъ.

Недалеко отъ Петербурга, въ Стрѣльнѣ, его ждали родные и знакомые. Сюда собралось много и посторонней публики, чтобы привѣтствовать славнаго полководца. Когда дормезъ остановился, собравшіеся съ горечью увидѣли, что передъ ними не больше, какъ тѣнь того славнаго Суворова, при одномъ имени котораго еще такъ недавно трепетала вся Европа. Слабымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ Александръ Васильевичъ на привѣтствія. Ему поднесли цвѣты и фрукты, затѣмъ стали поднимать дѣтей для благословенія. Все это до глубины души трогало и самого героя и окружающихъ.

Поздно вечеромъ, 20 апрѣля, Суворовъ медленно, *какъ бы тайно,* въѣхалъ въ Петербургъ. Незамѣтно дорожный дормезъ пробрался по улицамъ столицы до Коломны и остановился на Крюковомъ каналѣ у дома Хвостова, родственника генералиссимуса. Такъ встрѣтилъ Петербургъ того, кто подвигами своими прославилъ русское имя и въ нѣсколько разъ возвеличилъ политическое значеніе Россіи!

Съ трудомъ больного перенесли въ комнаты. На другой день его ждало новое тяжелое испытаніе: отъ имени государя явился генералъ Долгорукій и оставилъ записку, въ которой говорилось, что генералиссимусу *не приказано являться къ государю.* Это переполнило чашу страданій умирающаго Суворова. Съ каждымъ днемъ онъ угасалъ все больше и больше. „Зачѣмъ не умеръ я тамъ, въ Италіи“,— не разъ повторялъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

Въ началѣ мая болѣзнь приняла острый характеръ. Ни для кого не было уже тайной, что дни страдальца сочтены. Окружающіе напомнили умирающему объ

исповѣди и причастіи, но онъ не хотѣлъ еще признавать, что расчеты съ жизнью покончены, и согласился не сразу. Въ ночь на 6 мая началась агонія и бредъ. Умирающій произносилъ несвязныя слова: „Генуя... Сраженіе... Впередъ!“ Къ утру бредъ стихъ, и жизнь великаго человѣка выражалась лишь хриплымъ дыханіемъ.

Домъ, гдѣ умеръ Суворовъ.

Въ полдень 6 мая Суворова не стало...

Люди всѣхъ званій и состояній спѣшили къ дому Хвостова, чтобы поклониться праху славнаго вождя русской арміи. Спокойно и величаво смотрѣло лицо почившаго. Собравшіеся отдать послѣдній долгъ не могли удержаться отъ слезъ... Плакали даже старые инвалиды, участвовавшіе въ походахъ Суворова,— люди, видѣвшіе не разъ уже смерть лицомъ къ лицу...

Похороны Суворова происходили 12 мая. Было прекрасное весеннее утро, когда похоронная процессія тихо подвигалась изъ Малой Коломны по направленію къ Александро-Невской лаврѣ. Безчисленныя толпы народа наполняли собою улицы, по которымъ везли гробъ съ дорогими останками; даже крыши и балконы домовъ были покрыты народомъ, желавшимъ отдать послѣдній долгъ почившему герою. За гробомъ слѣдовало множество сановниковъ и духовенства, войска были въ томъ составѣ, какой положенъ по уставу для фельдмаршала. Гвардія въ процессіи не участвовала.

На углу Садовой и Невскаго, близъ Публичной библіотеки стоялъ государь. Онъ былъ задумчивъ. При приближеніи гроба, онъ снялъ шляпу, крупныя слезы текли по его щекамъ. Проводивъ процессію, онъ тихо возвратился во дворецъ; весь день былъ молчаливъ и грустенъ, почь провелъ безъ сна и часто повторялъ: „жаль, жаль...“

Когда балдахинъ приблизился къ воротамъ лавры, то многіе сомнѣвались, что онъ пройдетъ въ ворота. „Не бойтесь, пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ!“ замѣтилъ одинъ изъ старыхъ солдатъ, бывавшій въ походахъ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Гробъ внесли въ церковь; началась литургія. При отпѣваніи не было сказано даже надгробнаго слова. Когда запѣли концертъ—„Живый въ помощи Вышняго“, присутствовавшіе не могли удерживать рыданій, но громко плакать было опасно: можно было накликать на себя бѣду.

По окончаніи отпѣванія, гробъ внесли въ нижнюю Благовѣщенскую церковь и здѣсь опустили въ приготовленную могилу. Въ послѣдній разъ загремѣли Суворову пушки... Печальная церемонія кончилась, а вмѣстѣ съ нею кончилъ свое земное странствованіе и величайшій полководецъ русскій.

На падгробной плитѣ Суворова, по его собственному желанію, высѣчена слѣдующая краткая надпись:

„*Здѣсь лежитъ Суворовъ*“.

Сохранилось преданіе, что, когда герой посѣтилъ въ Австріи гробницу Лаудона, знаменитаго австрійскаго полководца, то обратилъ вниманіе на длинную

латинскую надпись на его гробницѣ и сказалъ присутствующимъ: „Къ чему такая длинная надпись? Я желалъ бы, чтобы на моей гробницѣ было написано только три слова: *Здѣсъ лежитъ Суворовъ*“.

Если бы на гробницѣ героя вздумали привести весь его титулъ, то пришлось бы написать слѣдующее:

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Россійской и Римской имперій, генералиссимусъ Россійскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, фельдмаршалъ австрійскихъ и сардинскихъ войскъ, сардинскаго королевства грандъ и принцъ королевской крови (cousin du Roi) и кавалеръ орденовъ: россійскихъ — св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Георгія 1-ой степени, св. Владиміра 1-ой степени, св. Александра Невскаго, св. Анны 1-ой степени, св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста; австрійскаго — Маріи Терезіи 1-го класса; прусскихъ—Чернаго орла, Краснаго орла и за достоинство; сардинскихъ — Благовѣщенія и св. Маврикія и Лазаря; баварскихъ — св. Губерта и Золотого льва; французскихъ — Кармельской Богородицы и св. Лазаря; польскихъ — Бѣлаго орла и св. Станислава.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это сказало бы намъ не больше, чѣмъ одно слово *Суворовъ*, съ которымъ привыкли мы соединять представленіе о великомъ и славномъ.

ЛИЧНОСТЬ СУВОРОВА.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ жизнь и дѣятельность Суворова, мы видимъ, что онъ, дѣйствительно, представлялъ собою личность необыкновенную во

всѣхъ отношеніяхъ. Все въ немъ было оригинально, своеобразно, онъ ни въ чемъ не походилъ на другихъ. Война и военные подвиги — вотъ та область, въ которой герой чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ; всякая другая дѣятельность была для него чужда, не удовлетворяла его. Военныя дарованія Суворова, стяжавшія ему всемірную извѣстность, явились плодомъ усиленной, многолѣтней, кропотливой работы надъ собой, — работы, которая началась еще въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ врожденныхъ склонностей ребенка. Результатомъ этой работы явилась и та *Суворовская* тактика, слѣдуя которой герой сдѣлалъ свои войска *непобѣдимыми*. Эта своеобразная тактика вполнѣ опредѣленно и ясно выражалась тремя словами: *глазомѣръ, быстрота* и *натискъ*. „Глазомѣръ, или военная смѣтка, — говоритъ историкъ, — доходили у него до совершенства; по немногимъ даннымъ онъ зналъ иногда непріятельскую позицію лучше, чѣмъ самъ непріятель. Быстрота его движеній и дѣйствій удивляла своихъ и озадачивала чужихъ, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что русская армія того времени отличалась порядочною тяжеловѣсностью. Послѣдствіемъ глазомѣра и быстроты являлся натискъ, т.-е. наступленіе, атака, ударъ холоднымъ оружіемъ“. Вся эта система, простая и ясная, никѣмъ не проводилась ни *до* ни *послѣ* Суворова съ такимъ постоянствомъ, какъ ея создателемъ — самимъ Суворовымъ.

Работая надъ собой, Суворовъ всю жизнь неустанно трудился и надъ обученіемъ войска, воспитывая въ солдатахъ военныя качества, дѣлавшія ихъ непобѣдимыми, „каменными“, какъ вѣрно выразился одинъ изъ современниковъ героя. Свои требованія къ солдатамъ онъ выражалъ всегда кратко, въ сжатыхъ выраженіяхъ. Онъ составилъ даже особый военный

катехизисъ, который солдаты должны были знать въ совершенствѣ. Вотъ выдержки изъ этого интереснаго руководства для солдатъ.

Субординація, экзерциція.

* *
*

Каблуки сомкнуты; подколѣнки вытянуты; солдатъ стоитъ стрѣлой; четвертаго вижу, пятаго не вижу.

* *
*

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Дѣло мастера боится. Намъ за ученаго даютъ трехъ неученыхъ; намъ мало трехъ: давай пять, десять! всѣхъ повалимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ.

* *
*

Военный шагъ —аршинъ; въ захожденіи—полтора. Голова хвоста не ждетъ.

* *
*

Непріятель не ждетъ; поетъ и веселится, а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ топи и болота пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! Побѣда наша! У страха глаза велики. Просящаго пощады—помилуй. Онъ такой же человѣкъ: лежачаго не бьютъ.

* *
*

Береги пулю на три дня, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять.

* *
*

Пуля бьетъ въ полчеловѣка, стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится,

штыкъ не обмишулится. Пуля дура, а штыкъ молодецъ. Трое наскочатъ—одного заколи, другого застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ: отскочи шагъ, ударь одного, коли другого, стрѣляй третьяго, притисни четвертаго! послѣдніе—твои! Въ сраженіи—картечь на голову! согнись, бѣги впередъ, картечь летитъ сверхъ головы. Тогда пушки—твои; люди—твои!

* * *

Жителя не обижай. Онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ—не разбойникъ.

* * *

Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди—и живъ; трусишку и назади убиваютъ, какъ собаку; ему—если и живъ останется—ни чести ни мѣста нѣтъ.

* * *

Мы уже говорили, что Суворовъ хорошо изучилъ русскаго солдата и вслѣдствіе этого умѣлъ дѣйствовать на него, какъ ни одинъ изъ полководцевъ. Здѣсь нужно добавить, что и солдаты прекрасно понимали и любили своего полководца, къ которому они проникались благоговѣйнымъ чувствомъ, считая его высшимъ существомъ, вѣдающимъ „Божію планиду“. Современники удостовѣряютъ, что „личное присутствіе Суворова, даже одно имя его производили на войска чарующее дѣйствіе“. Суворова сравнивали даже съ талисманомъ, который довольно развозить по войскамъ, чтобы побѣда была обезпечена. Въ войскахъ, а черезъ солдатъ и въ народѣ, Суворовъ еще при жизни сдѣлался легендарнымъ героемъ. Про его подвиги и про него самого складыва-

лись пѣсни и сказанія, часто баснословнаго характера. Мало этого, легендарные разсказы про подвиги Суворова распространялись не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества, и ходили въ Россіи, Турціи, Польшѣ и Швейцаріи...

Будучи величайшимъ полководцемъ, Суворовъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ *первымъ* и *совершеннѣйшимъ* солдатомъ, являясь въ то же время ихъ отцомъ и другомъ и живя съ ними одною жизнью. Этимъ и объясняется ихъ взаимная любовь и пониманіе. Пройти *Суворовскую* школу, однако, было не легко; въ особенности тяжело было новичкамъ, но Суворовъ умѣлъ достигать своего, и молодые солдаты скоро привыкали къ его требованіямъ. „Они ропщутъ на меня — вздоръ! Слюбится! — говорилъ онъ, когда до него доходили слухи о недовольствѣ солдатъ. — Дѣтей купаютъ въ холодной водѣ, они плачутъ, а зато бываютъ потомъ здоровы!“

Сохранилось не мало разсказовъ, характеризующихъ отношенія Суворова къ солдатамъ. Приведемъ два изъ нихъ.

Однажды при разводѣ, будучи недоволенъ своимъ Фанагорійскимъ полкомъ, Суворовъ призвалъ адъютанта и сказалъ ему: „Поди скажи Мондрыкину, чтобы онъ написалъ прошеніе: пусть меня переведутъ въ другой полкъ. Не хочу съ ними служить, они немогузнайки“. Уныніе овладѣло полкомъ, и въ слѣдующую очередь Фанагорійскаго полка разводъ былъ образцовый. Суворовъ, по своему обыкновенію, начиная благодарить отъ полковника до рядового, закончилъ рѣчь свою такъ: „Я вамъ другъ, вы мнѣ друзья“, а потомъ приказалъ адъютанту взять его прошеніе обратно, такъ какъ онъ теперь желаетъ остаться въ томъ же полку: „Они добрые солдаты;

они исправились; они русскіе", — говорилъ онъ при этомъ.

Въ другой разъ на разводѣ того же Фанагорійскаго полка присутствовало нѣсколько иностранныхъ генераловъ. Когда одинъ гренадеръ подошелъ къ Суворову съ рапортомъ о смѣнѣ, онъ отскочилъ со словами: „Боюсь, боюсь: онъ страшенъ!" Потомъ онъ спросилъ у гренадера, можетъ ли онъ на свой штыкъ взять полдюжины.

— Этого мало будетъ, ваше сіятельство, я справлюсь и съ дюжиной, — отвѣчалъ гренадеръ.

Расхваливъ гренадера, Суворовъ приказалъ адъютанту наградить его, а самъ, обратившись къ иностраннымъ генераламъ, сказалъ:

— У меня всѣ богатыри; колютъ по дюжинѣ; этотъ гренадеръ сейчасъ сказалъ, что ему полдюжины мало!

Будучи требователенъ къ солдатамъ, Суворовъ, однако, не былъ мелоченъ и придирчивъ въ своихъ требованіяхъ. Не придавалъ онъ большого значенія и внѣшнему военному лоску. Сохранился разсказъ о томъ, какъ отнесся герой къ нововведеніямъ, касавшимся вмѣшности и обмундировки, которая составляла предметъ особенныхъ заботъ императора Павла при восшествіи его на престолъ. Какъ извѣстно, въ русской арміи, по образцу прусской, вводились тогда напудренные парики и букли. Суворовъ первый высказался противъ этихъ стѣснительныхъ новшествъ и очень остроумно замѣтилъ: „Пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки; мы же не нѣмцы, а природные русаки".

Военная походная жизнь, полная всевозможныхъ лишеній и неудобствъ, могла быть по силамъ только

человѣку съ простыми привычками; и мы видимъ, что Суворовъ разъ навсегда отказался отъ роскоши и до самой смерти велъ суровый образъ жизни. Свой день онъ всегда начиналъ съ того, что окачивался холодной водой со льдомъ, — безразлично, было ли это зимой или лѣтомъ. Не только дома и въ походахъ, но и въ царскихъ палатахъ спалъ онъ на сѣнѣ или на соломѣ. Въ мирное время пищу его составляли: щи, каша, пирогъ; на войнѣ герой довольствовался сухаремъ и водой. На балахъ и пирахъ онъ бывалъ очень рѣдко и всегда оставался на нихъ лишь нѣсколько минутъ; за роскошными зваными обѣдами онъ почти ничего не ѣлъ. Музыку онъ цѣнилъ постольку, поскольку она возбуждала бодрость воиновъ, и считалъ ее необходимою лишь въ битвахъ и походахъ. Вся прислуга его состояла изъ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ нихъ наиболь-шею любовью полководца пользовался камердинеръ Прошка, пьяница и грубіянъ но преданный слуга.

Суворовъ былъ набоженъ и благочестивъ, онъ строго исполнялъ церковный уставъ, но въ то же время терпимо относился и ко всѣмъ другимъ религіямъ: „принималъ благословеніе отъ католическихъ священниковъ“ и не прочь былъ выдать дочь свою за протестанта. Подобно многимъ своимъ современникамъ, на иновѣрцевъ онъ никогда не смотрѣлъ, какъ на „погапыхъ недовѣрковъ“, и войнамъ, въ которыхъ участвовалъ, никогда не придавалъ религіознаго характера. Свободное время онъ посвящалъ занятіямъ военными науками и литературѣ. Читалъ онъ много; знаніе иностранныхъ языковъ, которые изучилъ онъ самоучкой, давало ему возможность читать многія произведенія иностранныхъ писателей въ подлинникѣ

Чтобы вполнѣ охарактеризовать нравственную личность Суворова, необходимо упомянуть еще, что наиболѣе украшавшими его добродѣтелями были: милосердіе, благотворительность, правдолюбіе и цѣломудренность. „Страшный въ дни битвъ, неотступный требователь исполненія должности, — говоритъ историкъ,—Суворовъ миловалъ и щадилъ враговъ, строго наказывалъ обиду мирныхъ жителей и благодѣяніями означалъ слѣды свои всюду, гдѣ протекалъ съ громами битвъ — въ Турціи, Польшѣ, Италіи. Никогда не подвергалъ онъ суду и несчастію, если видѣлъ раскаяніе, и нерѣдко платилъ отъ себя деньги, растраченныя или потерянныя по неосторожности его подчиненнымъ". Нерѣдко являлся онъ крупнымъ благотворителемъ, но дѣлалъ это тайно, скрывая даже отъ самыхъ близкихъ людей. „Только послѣ смерти Суворова узнали имя благотворителя, ежегодно присылавшаго въ петербургскую городскую тюрьму передъ свѣтлымъ праздникомъ по нѣскольку тысячъ рублей на выкупъ неимущихъ должниковъ". Никогда не отказывался также Суворовъ быть ходатаемъ за угнетенныхъ и несчастныхъ. Ненавидя ложь, клевету и наушничество, онъ всѣмъ и каждому, прямо, не колеблясь, говорилъ правду въ глаза и этимъ самымъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Данное разъ слово онъ соблюдалъ свято, не нарушалъ обѣщанія даже и въ томъ случаѣ, если давалъ его своему врагу.

Лишенный радостей семейной жизни, онъ, однако, былъ нѣжнымъ отцомъ, и отношенія его къ дѣтямъ часто бывали трогательны. Разсказываютъ, что, будучи посланъ однажды на службу, „онъ свернулъ съ дороги и вечеромъ прискакалъ въ деревню, гдѣ жили дѣти его. Запретивъ тревожить малютокъ, такъ какъ они уже спали, добрый отецъ тихо вошелъ въ ихъ

спальню, полюбовался ими, благословилъ ихъ и немедленно уѣхалъ, вознаграждая скоростью ѣзды время, отданное чувству родительской любви". Вотъ тѣ качества, которыя опредѣляютъ намъ Суворова — человѣка.

Въ большую заслугу Суворову надо поставить еще и то, что войны его никогда не сопровождались ненужными жестокостями, хотя противники и стремились обвинить его въ этомъ. Наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ онъ напоминаетъ своимъ солдатамъ, чтобы они не воевали съ женщинами и дѣтьми, не заходили въ дома мирныхъ гражданъ и щадили тѣхъ, кто проситъ пощады. Нужно замѣтить, что это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда нравы и въ мирное время были еще грубы, на войнѣ же страсти разгорались съ неудержимою силой, часто превращая человѣка въ разъяреннаго звѣря.

Нельзя обойти молчаніемъ склонность Суворова къ чудачеству. Нѣкоторые думаютъ, что, развивая въ себѣ странности, герой тѣмъ самымъ хотѣлъ завоевать себѣ популярность среди солдатъ. Но это объясненіе едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ уже потому, что не чудачества и странности цѣнили солдаты въ Суворовѣ, а его простоту, героизмъ и любовь къ нимъ; кромѣ того, свои чудачества Суворовъ проявлялъ гораздо чаще не въ обществѣ солдатъ, а среди людей высшаго круга. Большаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе тѣхъ, кто видитъ въ странностяхъ Суворова нѣчто врожденное, съ чѣмъ даже и самъ герой впослѣдствіи не могъ уже справиться, и что, во всякомъ случаѣ, создало ему немало враговъ и тѣмъ самымъ значительно тормозило ему карьеру. По свидѣтельству современниковъ, странности героя подъ конецъ его жизни дошли до такого предѣла, что онѣ

„понизили даже его военную славу, особенно въ глазахъ иностранцевъ“, сталкивавшихся съ нимъ на военномъ поприщѣ.

Приведемъ въ заключеніе нашего очерка нѣсколько выраженій и изреченій великаго полководца, въ которыхъ наиболѣе ярко отразились его взгляды и убѣжденія.

* * *

Про самого себя Суворовъ однажды сказалъ: „Не трудитесь меня разгадывать: я вамъ самъ себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись; Езопомъ являясь при дворахъ, побасенками говорилъ я правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ“.

* * *

Идеалъ военнаго героя Суворовъ обрисовалъ такъ: „Герой долженъ быть смѣлъ безъ запальчивости, быстръ безъ торопливости, дѣятеленъ безъ опрометчивости, подчиненъ безъ изгибчивости, начальникъ безъ самопадѣянности, побѣдитель безъ тщеславія, честолюбивъ безъ надменности, благодаренъ безъ гордости, доступенъ безъ лукавства, твердъ безъ упрямства, скроменъ безъ притворства, пріятенъ безъ легкомыслія, обязателенъ безъ хитрости, проницателенъ безъ коварства, искрененъ безъ оплошности, благосклоненъ безъ изворотовъ, услужливъ безъ своекорыстія и рѣшителенъ. Разсудокъ онъ долженъ предпочитать остроумію. Врагъ зависти, ненависти, мщенія, онъ низлагаетъ соперниковъ добротою, упра-

вляетъ друзьями вѣрностью. Онъ утомляетъ тѣло, укрѣпляя его. Онъ властитель стыдливости и воздержанія. Нравственность — его религія; его добродѣтели суть добродѣтели великихъ людей. Исполненъ откровенности, онъ презираетъ ложь; правый по характеру, онъ отвергаетъ лживость. Онъ въ сношеніяхъ только съ достойными людьми. Честь и честность сокрыты во всѣхъ дѣлахъ его. Онъ любимъ своимъ повелителемъ и войскомъ. Все ему предано и исполнено довѣренности къ нему. Въ день битвы или похода онъ взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и вполнѣ предается Божественному Провидѣнію. Не увлекаясь потокамъ обстоятельствъ, онъ подчиняетъ событія. Всегда дѣйствуя предусмотрительно, онъ неутомимъ каждое мгновеніе".

* * *

Высшія военныя добродѣтели: храбрость солдату, мужество офицеру, безстрашіе генералу.

* * *

Никогда не презирайте вашего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, свои силы и его слабости.

* * *

Во всю жизнь мою не зналъ я отступленій, какъ равно и оборонительной войны.

* * *

Никакого препятствія не надобно считать великимъ и никакого сопротивленія важнымъ. Ничто не должно устрашать насъ въ военномъ дѣлѣ.

* * *

Безпрерывное изученіе взгляда (глазомѣръ) сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Пріучайся неутомимой дѣятельности. Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ и не унывай при неудачѣ. Умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя, но не увлекайся неумѣстною горячностью.

* * *

Будь открытъ съ друзьями, умѣренъ въ необходимомъ, безкорыстенъ въ поведеніи. Заранѣе учись прощать ошибки другихъ и никогда не прощай своихъ ошибокъ.

* * *

„Вѣра, Надежда, Любовь — вотъ три сестры, которыя перевели наши войска черезъ Сенъ-Готардъ“,— говорилъ Суворовъ послѣ перехода черезъ Альпы.

* * *

Желая показать, сколько непріятностей перенесъ онъ отъ интригъ въ придворномъ мірѣ, Суворовъ говорилъ: „Въ жизни своей я былъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять разъ дома и двадцать разъ при дворѣ“.

* * *

По мнѣнію Суворова, въ мірѣ было три самыхъ смѣлыхъ человѣка: Курцій, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ и Антонъ староста. Первый потому, что для спасенія Рима бросился въ пропасть; второй потому, что для блага Россіи говорилъ правду Петру I, а третій потому, что одинъ на медвѣдя ходилъ.

* * *

„Убѣгайте роскоши, праздности, корыстолюбія и ищите славы черезъ истину и добродѣтель,—говоритъ Суворовъ въ завѣщаніи потомству.

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ.

Такова въ общихъ чертахъ личность Суворова, какъ человѣка и полководца. Заслуги его передъ Россіей громадны: благодаря имъ политическое значеніе ея разомъ выросло въ глазахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Какъ геніальный полководецъ, онъ

заставилъ всю Европу обратить вниманіе на поразительные успѣхи русскаго оружія. Въ сравненіи съ нимъ, изъ дѣятелей прошлаго столѣтія выдѣляется лишь Петръ Великій,—этотъ колоссъ, создавшій могущество и славу Россіи, вдохнувши въ нее новую жизнь. „Между всѣми же остальными, — говоритъ историкъ,—нѣтъ равнаго Суворову, и онъ остается до сихъ поръ явленіемъ исключительнымъ, неподражаемымъ, по самобытности его военной теоріи, по оригинальности его пріемовъ и по размѣру его дарованія".

Въ царствованіе императора Александра Благословеннаго Суворову былъ поставленъ памятникъ въ Петербургѣ на площади, близъ Троицкаго моста. Герой изображенъ въ видѣ рыцаря. Щитомъ закрываетъ онъ жертвенникъ. На щитѣ изображенъ гербъ Россіи; въ правой рукѣ героя — мечъ. На пьедесталѣ — бронзовая доска съ надписью: *князь Италійскій*, графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801. Площадь около памятника получила названіе *Суворовской*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Дѣтство	7
Отрочество	10
Юность	16
Первые подвиги	20
Суворовъ—полковникъ	22
Конфедератская война	25
Первая турецкая война	32
Пугачевъ	37
Женитьба Суворова. Суворовъ на Кавказѣ и въ Крыму	40
Путешествіе Екатерины. Начало второй турецкой войны	43
Очаковъ и Рымникъ	48
Измаилъ	53
Суворовъ въ Польшѣ	59
Взятіе Варшавы	65
Устройство Польши. Пребываніе въ Петербургѣ	71
Герой въ немилости	77
Героя вспомнили	83
Суворовъ въ Вѣнѣ	86
Первые шаги въ Италіи	88
Дальнѣйшіе успѣхи итальянскаго похода	93
Послѣдній подвигъ Суворова	99
Возвращеніе на родину, болѣзнь, опала и смерть	110
Личность Суворова	118

2007058079